

ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬ
НОГО КО
МИТЕТА —

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ТРУДОВОЙ
КРЕСТЬЯН
СКОЙ ПАР
ТИИ. —

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

1. *Передовая.* «Пятилетка» и крестьянство.

2. *А. Омелянов.* Борьба вверх и борьба вниз.

3. *Сергей Маслов.* О земельном вопросе в России. I. О выкупе за землю.

В России.

4. В городах и селах нынешней России (Впечатления рабочего)

5. Учащаяся деревня.

6. Гибель благородных цветов.

7. В Саратове.

8. Религиозные предрассудки (Письмо религиозно настроенного рабочего из Москвы).

Из заграничной жизни.

9. *Вл. Татаринов.* Что происходит за границей.

10. *С. М.* Международное Аграрное Бюро.

11. *Ив. Егоров.* Съезд Республиканской партии земледельцев и малоземельников в Чехословакии.

12. *А. Ареунов.* Новая организация («Крестьянское объединение в Париже»).

Отзывы о книгах.

13. *А. Арс. С. П.* Мельгунов: Н. В. Чайковский в годы гражданской войны.

14. *Д. Иванцов.* Э. Гермониус: Война и промышленность.

15. Книги, поступившие в Редакцию.

„Пятилетка“ и крестьянство.

История России под властью коммунистов — история великой и поучительной борьбы двух начал общественной жизни. Первое начало руководится свободой каждого — как человека, как хозяйствующего существа и как гражданина. Оно исходит из уважения к человеческой личности и стремится потому открыть широкую дорогу для всех ее стремлений и способностей... Второе начало выражается в указке и принуждении тирана. Тиран (коллективный или единоличный — безразлично) стремится все переделать «по образцу и подобию своему» — по своему произволу он предписывает всем обязательные верования и убеждения, однообразное хозяйственное поведение, одинаковые гражданские поступки.

В этой борьбе двух начал первоначально участвовало много сил: на стороне свободы билась в своем большинстве образованные слои России, крестьянство, торгово-промышленный класс и меньшинство рабочих; на стороне принуждения стояли коммунисты с захваченным ими государственным аппаратом, большинство рабочих, меньшинство образованных кругов и крестьянства. Многие затем надорвались в борьбе и вышли из нее. «В келью под елью» из обеих лагерей ушли рабочие, образованные круги, торгово-промышленный класс. На полях битв остались толь-

ко два смертельных врага: миллион коммунистов, собранных в кулак и связанных железной дисциплиной, и сто двадцати миллионное крестьянство, рассеянное по сотням тысяч поселений и не объединенное никакой организацией.

Так борьба двух начал общественной жизни превратилась в войну двух общественных сил.

Война двух сил велась все годы, которые Россия прожила под властью компартии. Мира еще не было. Имелось только временное перемирие. Оно началось в 1921—22 годах, когда комвласть, введя НЭП, очистила первую линию своих позиций. Перемирие было закреплено в 1925 году, когда власть пошла на «деревенский НЭП» и тем самым отошла и со своей второй боевой линии. Многие перемирие приняли за подлинный мир. Они ошиблись: как «нес возвращается на блевотину свою и глупый повторяет глупость свою», так коммунисты возвратились на оставленные места. В конце 1927 г. они решили занять вторую линию окопов и в 1928 г. заняли ее. В текущем 1929 году они на 16 партийной конференции решили занять и первую. На наступление комвласти крестьянство ответило сопротивлением, и перемирие сменилось битвой. Она тянется уже больше года и все разгорается. Будет разгораться и дальше. «Пяти-

летний план народного хозяйства», принятый компартией в апреле текущего года, внес такое напряжение и ожесточенность, что в давней и тяжелой борьбе двух начал и двух сил общественной жизни, развертывающемуся бою суждено, повидимому, стать решающим. Ознакомимся с этим «планом-пятилеткой».

«План» предусматривает, что в течение пяти лет с 1929 по 1933 год в народное хозяйство России будет вложено 64,6 миллиардов рублей капитальных, т. е. долгосрочных, затрат. Из этой умопомрачительной суммы на сельское хозяйство придется 23,2 млрд, а на остальные, внеземледельческие отрасли 41,4 млрд рублей. За предыдущее пятилетие (с 1924 по 1928 годы), по подсчетам коммунистов, в народное хозяйство без сельского хозяйства было вложено капитальных затрат 11,5 млрд рублей. Другими словами, затраты в промышленность, транспорт, электрофикацию и т. п. в ближайшее пятилетие будут почти вчетверо больше, чем в пятилетие предыдущие.

Нельзя сомневаться, что комвласть таких средств не соберет. У нее произойдет очередная просчет. Нельзя, однако, сомневаться и в том, что коммунисты приложат *все усилия* для сбора предположенных средств, чтобы влить новую кровь в свою чахлаю и излюбленную промышленность, в свою хвастливую электрофикацию, в железные дороги и прочее. Намеченные средства будут братья из тех же источников, из которых они брались и до сих пор. А брались они, во-первых, из прибылей и отчислений на снашивание в самой промышленности; во-вторых, из налогов, собираемых с населения; в третьих, из выпуска бумажных денег, которые вследствие увеличения их количества, теряя часть своей ценности; в четвертых, из займов — внешних и внутренних. Разберемся в этих источниках.

Прибыль казенной промышленности получается потому, что комвласть может назначать на свои фабричные изделия любые цены, и известно, что эти цены в современной России вдвое выше, чем за границей, и, при переводе на хлеб, почти вдвое выше довоенных русских; прибыли промышленности при таких условиях являются тем же налогом, которым власть облагает потребителя. Потребителем является по преимуществу крестьянство. Крестьянство же является главным плательщиком прямых и особенно косвенных налогов. Наконец, крестьянство несет

главные потери от обесценения бумажных денег, так как за свои сельскохозяйственные продукты оно получает от государства те же цены обесцененными деньгами, как и получало прежде, когда ценность денег была выше, а за покупаемые изделия на вольном рынке оно принуждено платить обесцененными деньгами более высокие цены. Те средства, которые власть при помощи выпуска бумажных денег добывает у населения, она добывает по преимуществу с крестьян. Четвертый источник (займы) значительной роли не играет, но поскольку займы производятся внутри страны, крестьянство также вынуждено покупать часть заемных бумаг. Таким образом, огромные средства, которые власть хочет и рассчитывает собрать для усиления своего «социалистического» хозяйства в городах, она будет собирать главным образом в деревнях.

Тяжесть «пятилетки» придется выносить по преимуществу крестьянству. Если от цен на свои продукты и на фабричные изделия, от прямых и косвенных налогов оно стонало прежде, то теперь оно будет стонать во много раз громче. Если основа всего народного хозяйства — хозяйство сельское — сильно разоралось коммунистами до сих пор, то по «пятилетке» оно будет разоряться во много крат смелей... «Пятилетний план» — это план усиленного грабежа крестьянских деревень и сел, станиц и хуторов. Ныне обеспеченные слои крестьянства от проведения «плана» станут бедняками, нынешние бедняки превратятся в нищих, у современных нищих будет отнят последний кусок хлеба и снята последняя дырявая одежда.

Разорение деревни это, однако, только одна сторона плана. В нем есть еще и другая. Она заключается в усиленном насаждении «социализма» в самом сельском хозяйстве. «Социализм» будет усиливаться несколькими способами. На первом месте тут стоят совхозы. Для них предполагается выкроить от 9 до 11 миллионов десятин земли. Эта громадная площадь будет взята частью из ныне пустующих государственных земельных запасов, а частью из нынешних крестьянских земель, и газеты уже сообщают, что в ряде районов России (на Северном Кавказе, в Сибири, на Украине) уже приступлено к пересмотру нынешнего крестьянского землепользования в целях отчуждения от него «излишков»... На втором месте стоят колхозы. По плану их предполагается усилить против нынешнего состояния в 11 раз; до 20 миллионов человек сельского

населения или около 4 миллионов крестьянских дворов предположено всякими приемами вогнать в них... Третий способ усилить «социализм» заключается в развитии контрактации, которая обязывает крестьян сдавать законтрактованные продукты исключительно государственным заготовительным органам, а не продавать по более высоким ценам на вольном рынке. По плану предположено таким путем забирать у деревни *все* излишки, идущие в продажу, технических культур (лен, конопля, подсолнух, хлопок, табак и прочее), *70% зерна*, идущего в продажу, и *50%* продажных продуктов животноводства... Всеми тремя этими способами коммунисты ставят ту же ставку, которые они ставили в 1919 и 1920 годах — постепенно «превратить всех крестьян в общественных работников, получающих за свой труд заработную плату».

Коммунисты, конечно, отрицают будущее разорение крестьянства. Наоборот — они обещают деревне расцвет и повышение ее благосостояния. Так случится де потому, что коммунисты сулят засыпать деревни и станицы минеральными удобрениями, улучшенными семенами, сельскохозяйственными машинами и прочим добром. Урожайи на крестьянских полях за пять лет, по плану, должны поэтому подняться «не менее, чем на 30—35 процентов». Обещают они затем заселить 7 миллионов гектар пустующих земель, 2 миллиона гектар осушить и 1,5 милл. обводнить. Если вспомнить, что минеральные удобрения мало применяются в настоящее время из-за высокой цены на них, и из-за низких цен на хлеб, а цену за хлеб власть не повысит, и цены на удобрения значительно не снизит; что за машины крестьянство должно платить, а платить будет нечем; что улучшенные семена стоят и будут стоять в высокой цене при крестьянской покупке и в непомерно низкой при продаже урожая от них; что население *всей* России за пять лет увеличится на 15 миллионов человек, а *сельское* на 10 миллионов; что в России перед войной, когда сельское хозяйство успешно развивалось, урожайи поднимались в год только на 1% и даже в Германии ежегодный подъем урожая не превышал 2% — если все это припомнить и сообразить, то на обещание коммунистами для деревни лучших дней можно ответить словами Библии — мягко ваш язык, которым вы говорите деревне, но он переламывает ее кости.

По пятилетке, насколько она связана с сельским хозяйством, действительно будет осуществлено усиленное перекачивание средств из деревень и станиц в города, ускоренное строительство совхозов и колхозов, сопровождаемое отнятием у крестьян земли и уничтожением их отдельных хозяйств, увеличенное вмешательство коммунистов в хозяйственную жизнь даже и тех крестьянских дворов, которые сохраняют свою самостоятельность и в колхозы не войдут. Всё остальное, все блага и выгоды для деревни, которые коммунисты обещают ей, всё это или неосуществимые мечты, или прямая ложь.

Такой план бьет не только по деревне России, но и по всей России. Минувший 1928 год уже доказал это. Усиленная выкачка крестьянского зерна в начале 1928 года, несмотря на все старания власти не допустить до сокращения крестьянских посевов, привела к тому, что общая посевная площадь в минувшем году против 1927 года не увеличилась, как было в четыре предыдущих года, а несколько сократилась (на 300 тысяч гектаров); еще сильнее уменьшились посевы зерновых (на 2.865.000 гектаров) и вся годовая Россия в нынешнем году посажена на полуголодный хлебный паек. Новые и более сильные потрясения крестьянского хозяйства дадут и новые, еще более сильные откаты его назад — ко временам «военного коммунизма».

Ударит всю Россию пятилетка и вторым способом: вновь усилится работа ГПУ и увеличится число и жестокость его расправ, ибо чем напряженнее делаются отношения между населением и властью, тем влиятельнее, деятельнее и кровожаднее становится политическая полиция в деспотиях. «Правда» это предвидела и об этом предупредила. В номере от 23 апреля за этот год она в связи с пятилеткой писала: «социалистическое наступление на основы капитализма, коллективизация середнячко-бедняцкой массы, неуклонное вытеснение в городе и деревне капитализма неизбежно вызовут рост сопротивления капиталистических классов, неизбежно будут сопровождаться обострением классовой борьбы». Уже подало свой голос и ГПУ, усилив в текущем году религиозные преследования и расстреляв без всяких оснований трех выдающихся инженеров — Пальчинского, фон-Мекка и Величко. Тот всеобщий и бурный подъем продукции в России, который предусматривается пятилеткой, ни в чем не проявится с такой определенностью и силой,

как в «продукции» учреждения, пятилетней не учтенного — в работе ГПУ.

Ударит пятилетка Россию и третьим путем: благодаря тому, что безумная и преступная власть сидит в Москве, так удобно нищету, грязь и кровь, которыми сопровождается правление этой власти, вменить в вину «Москве», как российскому центру; так легко будить и усиливать «самостийные» стремления у любой группы российских населения, которая хоть чем-нибудь обособляется от остальных и прежде всего от великорусской ветви русского народа. «Самостийные» настроения в России растут. На их голоса изнутри охотно и дружно отзываются голоса расчленителей извне. В текущем году эти усиленные отклики извне отчетливо слышны со стороны англичан в Индии, направляющих вооруженные отряды из Афганистана в русский Туркестан; со стороны Японии, в которой создано, вобрав в себя ответственных политических и промышленно-финансовых деятелей, специальное общество для сближения с Сибирью и для помощи ей в образовании «самосто-

ятельного» государства; со стороны Польши, в которой идет скрытая подготовка к близкой мобилизации и открыто не только заявляются симпатии к российским самостийникам всех мастей, но оказывается денежная и военная помощь им... Чем дольше проживет комвласть, тем «самостийничество» будет шире в России, тем сильнее ему будет помощь извне.

В великой битве, идущей и все разгорающейся в России, как противокommунистическая сила, участвует одно крестьянство. Эта сила бьется по преимуществу на хозяйственном поле и за свои интересы. Но обыкновенно, в зависимости от свойств своего врага, она бьется в то же время за интересы и городской России, за интересы и Российского Государства в целом.

Долг немедленной и полной помощи ей лежит на каждом, кто чувствует себя гражданином России, кто ценит ее культуру, кто дорожит бесконечно великим наследством, созданным трудами, подвигами и кровью предков и нам оставленным — *Российским Государством*.

Борьба сверху и борьба снизу.

Не может быть двух мнений о том, что происходит сейчас в верхах сов. правительств. Никогда борьба не принимала в коммунистической партии таких ярких и обнаженных форм, как сейчас. Разгром троцкистов, борьба с правыми «уклонистами», устранение вождей профессионального движения типа Томского, все это только звенья единого процесса разложения и метания агонизирующей власти. *Происходит весьма знакомая для России «борьба сверху» под давлением нарастающей «борьбы снизу».* И как при самодержавии, так и сейчас силы в этой борьбе распадаются на две группы: одну — соединяющую свои надежды и судьбу с правящим классом, другую — делающую ставку на народную борьбу с властью. И к первой группе относятся далеко не одни сторонники большевицкой диктатуры; нет — здесь и те группы, которые, отрицательно относясь к политике власти, даже находясь в борьбе с нею, все же боются прихода новой силы, несущей с собою неизвестное.

Для нас не представляют интереса в данном случае те, кто не за страх, а за совесть связал свою судьбу с правящей кликой: их ждет общая участь; они это хорошо знают, судорожно цепляясь за своих господ. Но нельзя пройти мимо тех, кто понимает всю гибельность нынешней власти и, несмотря на это, не находит в себе мужества посмотреть правде в глаза.

Три силы в современной России должны быть учитываемы при оценке происходящей борьбы. Берем их в порядке нарастающей активности: интеллигентски-служилый класс, рабочие и крестьянство.

Служилая интеллигенция находится в состоянии такого угнетения и так психически и физически разбита, что на ближайшее время с нею

нельзя связывать никаких расчетов. В одном ее ответвлении — «спецов» — она играла крупную роль в выработке особой идеологии, ведущей к разным формам «примиренчества». В основе своей это — только неосознанный способ самосохранения от физического истребления, перед которым она стояла. Загоняемая всё далее и далее в тупик, эта спецовская разновидность интеллигенции постепенно сольется с обывательской интеллигенцией, вся жизненная энергия которой уходит, — и это не в осуждение ей говорится, но таков жестокий факт, — на простую борьбу за существование. Нам думается, что после страшных ударов, нанесенных сторонникам сотрудничества с властью на почве строительства России шахтинским процессом и чудовищным по своему бессмыслию и жестокостью расстрелом Пальчинского, фон-Мекка и Величко, нельзя уже ждать в сов. России действительного возрождения этой «примиренческой идеологии». Ограждено, надо думать, и в эмиграции должна исчезнуть почва для проповеди сотрудничества с властью.

Придется и далее считаться, и очень серьезно, с той психологией запуганности и страха, которая сильнее всего коренится в разгромленной массе городской служилой интеллигенции, пуще всего боящейся возврата «голодных и холодных» лет России. Здесь источник так часто проявляющихся в письмах и разговорах заявлений о «неприемлимости революции», о боязни всякого проявления активности. Один призрак возвращения гражданской борьбы со всеми ее последствиями бросает в трепет и ужас рядового горожанина, кое-как наладившего свое существование. Нельзя не признать, что в этих настроениях широких кругов городского населения, особенно столиц России, одна из причин медленности развивающейся борьбы с

нынешней властью. Революционная работа требует соответственной среды, требует известной готовности и жертвенности обывателя, который, сам оставаясь в стороне от борьбы, всё же помогает ей тысячами неувидимыми способами. Но и здесь за последнее время произошли известные сдвиги. Новая волна продовольственных затруднений, недостаток в хлебе и стояние в очередях, возврат к продовольственным карточкам и «классовой» системе снабжения — всё это — при изменившейся обстановке — убеждает и обывателя в тщетности его надежд на изживание кризиса и постепенное возвращение к нормальной жизни. Вновь родится отчаяние, которое толкает на путь борьбы.

Еще не раз нам придется сталкиваться с политическими воззрениями, продиктованными настроениями этой обывательской интеллигенции. Мы можем и должны бережно отнестись к испытаниям, выпавшим на её долю, но в своей тактике не имеем права руководиться её политическим прогнозом, продиктованным в конечном счете чувством страха. Мы не сомневаемся, что в этой среде находит себе питание излюбленная тактика «эволюционизма», идущая так часто из России. Ведь эволюционизм есть признание своей связанности с нынешней властью, в перерождение которой так хочется верить. «Сильнее кошки зверя нет» — вот источник этой связанности с властью, в глубине ненавидимой и презираемой. На основе этого примитивного чувства уже строится теория о единственной силе, которая может спасти Россию от анархии и распада. Новая революция — это угроза полного хаоса и даже распада России, вот что приходится постоянно слышать из уст людей, пропитанных чувством страха за будущее.

Мы должны оговориться, что вполне понимаем всю глубину тревоги за будущее нашей родины, лежащей в основе этих опасений. Мы и сами признаем, что опасность *распадения* и, во всяком случае, отпадения в процессе новых революционных бурь от России отдельных ее частей весьма и весьма велика. За последнее время особенно стужились тучи над Россией. Жадными глазами следят наши враги за всё углубляющимся процессом гниения власти и ждут с нетерпением того момента, когда можно будет урвать под тем или другим предлогом лакомый для себя кусок. Сепаратизм, питаемый иностранными источниками, снова обнаглел и все чаще выдает свои планы. Мы настолько знаем наше прошлое, давнее и недавнее, что за спинами сепаратистов разного толка — украинского, грузинского, кубано-казачьего и других — легко узнаем их подлинных покровителей и поощрителей. Роль Польши в одной из этих комбинаций слишком ясна, чтобы на ней долго останавливаться. Оживление украинского самостийничества, комбинации с союзом окраинных народов России — всё это тянется к Варшаве, где, очевидно, решили, что близится время, когда можно будет одним ударом нанести России непоправимый удар. Не без опасений принимаем мы и известия об оживлении борьбы на границах Туркестана, прекрасно понимая, что бахмачское движение, вызванное невыносимостью большевицкого гнета, все же может быть использовано в своих целях Англией, которая таким путем постарается добиться своей давней мечты — обезопасить свои пути к Индии. С еще большей тревогой прислушиваемся мы к вестям, идущим из Монголии и Сибири. Под видом борьбы с коммунизмом идет разрушение десятилетних усилий России по закреплению своего положения на границах Китая. Мы стоим накануне потери восточно-китайской железной дороги и всего нашего

влияния в Монголии. Япония зорко присматривается к тому, что происходит в пограничной полосе и готова использовать все возможности для того, чтобы стать прочной ногой в Сибири. Появились первые ласточки сибирского самостийничества, еще пока довольно робкого, но прозрачного по своим конечным целям. Борьбу Сибири против её общих с Россией угнетателей будут пытаться перевести на рельсы отделения Сибири от России, конечно, не без влияния Японии.

Повторяем, все это вызывает в нас большую тревогу за будущее. Но снимает ли это вопрос о борьбе с большевиками? Напротив, мы убеждены, что каждый лишний день нахождения у власти большевиков увеличивает опасность распада России. Вопреки взглядам, разделяемым многими, что большевики в своей иностранной политике исполняют помимо своей воли национальную миссию, мы убеждены, что именно *благодаря им Россия с каждым часом близится к роковому для её государственных судеб испытанию*. Да, страшны будут дни новой борьбы, но в них — залог нашего спасения. Россия, освободившаяся от антигосударственной власти, снова обретет в себе национальный порыв и мужество. Она найдет пути к мудрому соглашению с теми, кто во время поймет, что возможны и желательны пути совместного государственного бытия под властью демократического государства, обеспечивающего одинаковое преуспевание всех его частей; она найдет в себе и силу отстоять себя в борьбе с теми, кто посягнет в минуты тягчайших испытаний на её государственную неделимость; она найдет в себе и тот язык, на котором привыкли разговаривать с другими государствами великие державы, к которым Россия принадлежала, принадлежит и будет принадлежать. А найти надлежащий язык, подкрепленный сознанием своей правоты и силы, в международных отношениях много значит.

Когда авторы тактической резолюции, напечатанной в «Днях» (№ 37), исходящей, очевидно, из кругов интеллигенции, связанной в прошлом с с.-р-вской идеологией, пишут: «большевицкая система чужда народу и приведет ее к гибели, но осуждая эту губительную политику, мы все таки не должны прибегать к насильственным методам для свержения большевицкой власти. Мы против всякой интервенции и вмешательства иностранных держав. Мы убеждены, что рано или поздно большевизм станет для себя могильщиком», — мы в этих словах чувствуем всё тот же страх перед новыми потрясениями и отсутствие веры в силы самого народа. Справедливо отвергая интервенцию, авторы тактического письма почему-то отбрасывают и всякую насильственную борьбу с властью, предлагая... ждать, пока сами могильщики выкопают себе могилу. Но ведь эта могила может оказаться не только могилкой для одних могильщиков. Мы обязаны учитывать серьезность оснований, лежащих в основе тревоги за судьбы России, но не можем последовать за предлагаемой тактикой выжидания. Мы не видим путей изживания нынешней губительной для государственных интересов России власти, мы убеждены в неизбежности насильственного свержения её. И чем скорей наступит этот день, тем лучше для России, тем легче ей будет отстоять свою целостность и неделимость.

Рабочий класс объективно до сих пор является опорой нынешней власти. Можно по разному объяснять это печальное явление, но отрицать его было бы наивно. Правда, за последние годы произошли и в настроениях рабочих большие сдвиги; все чаще и чаще прорывается недовольство властью и в рабочей среде. Но связан-

ность по своему происхождению с властью и классовая подоснова самой политики ее всё-же делает для рабочих довольно трудным и медленным процесс изживания иллюзий, питаемых по отношению к большевикам, как «рабочей» власти. И обратно, сама власть вынуждена для своего спасения давать от поры до времени подачки рабочему классу, на время подновляющие этот союз диктатуры с рабочим классом. Все это делает рабочих весьма мало активными в борьбе за освобождение России. С этим приходится считаться, как с фактом резко меняющим тактику революционной работы. Из этой борьбы выпадает наиболее активная и сознательная сила. Приходится считаться и с тем, что идеологически на почве таких настроений в рабочем классе вырастает своеобразная соц.-демократическая тактика, объективно ведущая к поддержке нынешней диктаторской власти. Боязнь потери рабочим классом своего привилегированного положения (пусть ошибочно, но все же так воспринимаемого), боязнь восстановления в прежнем виде социальных отношений в промышленности, страх за судьбу социальных завоеваний и, наконец, возможность союза крестьянства с промышленной буржуазией, направленного против рабочего класса — вот мотивы, диктующие тактику соц. демократов. Эта тактика прежде всего вызывается не государственно-классовыми, а классовыми — и при том узко понятыми — интересами. В последнее время и здесь намечается некоторое просветление, обусловленное сознанием приближающегося кризиса. Вместо пассивного констатирования перерождения власти и lamentаций о неизбежности надвигающегося бонапартизма, слышны голоса о необходимости активной тактики по сближению с крестьянством в его борьбе с властью. Но это сближение с крестьянством все еще мыслится не как союз равных с равными, а как водительство рабочим классом крестьянства. Соц. демократы готовы признать, что в основе своей крестьянство не обязательно реакционно, что оно может пойти в союзе с рабочими за демократическими лозунгами при условии обеспечения его хозяйственных интересов. За сохранение своего политического перворядства, соц. демократы не прочь отказаться от своей социалистической сущности в отношении деревни. Но согласиться с тем, что у крестьянства есть своя цельная государственная и народно-хозяйственная система, которую оно захочет защищать со всем весом своего политического влияния — на это соц. демократы не пойдут. И поскольку в пробуждающемся крестьянстве они видят новую политическую силу, осознавшую свои права на государственно-политическую роль, постольку они не могут не относиться к этому с тревогой и опасениями. Этим и объясняется двойственное отношение соц. демократов к крестьянскому движению. Этим вызывается и неустойчивость их тактики в борьбе с властью.

Волею судеб, остается одно крестьянство, как активная и до конца идущая сила в борьбе за освобождение России. Эту борьбу оно несет на своих плечах с удивительной выдержкой и упорством. Формы борьбы меняются, сущность её остается всё та же. Крестьянство не желает мириться с нынешней властью, признавая ее враждебной себе и ощущая её губительную роль для России. На протяжении этой борьбы растет и политическое сознание крестьянства, закладываются основы её политической организованности. Из стихийного движения оно превращается в движение политическое. Всё чаще и чаще доходят до нас радостные известия о закладке наших ячеек в разных местах. Всё чаще и чаще приходится на-

талкиваться в своей партийной работе на готовую почву для роста крестьянской политической организации. И в этом залог того, что «борьба снизу», ведущаяя всё настойчивее и настойчивее, приведет к желательному концу.

Не отрицая этого несомненного роста крестьянского политического движения в России, многие задают себе вопрос: а что оно несет с собою? На опасения, связанные с возможностью победы крестьянства, как главной силы в борьбе за власть, приходится ответить хоть в нескольких словах.

Крестьянство несет с собою новую диктатуру, может быть еще горькую, чем диктатура рабочая, ибо оно менее культурно и враждебно ко всему, что связано с современным городом. Эти опасения особенно широко распространены среди городской интеллигенции и среди тех, кто связан по своему прошлому с промышленной жизнью России. «Боязнь мужика» одна из болезней, весьма существенно влияющая на политическое поведение и современной эмиграции. Нам не приходится подробнее сейчас на этом вопросе останавливаться, так как на страницах наших изданий нам неоднократно приходилось уже писать об этом. Здесь, в плоскости тактической, нам хочется только указать, что в значительной мере от самой интеллигенции будет зависеть, чтобы эти опасения не оиравались. Чем шире интеллигенция примет участие в разгорающейся борьбе крестьянства, чем ближе она подойдет к организационной и идеологической работе его, тем больше шансов за то, что будущая русская крестьянская партия окажется в рядах не «стамболийцев», а тех крестьянских партий, которые стоят на высоте общегосударственных интересов. Что это весьма возможно, показывает хотя бы роль чехословацкой аграрной партии.

Не столько классовый характер крестьянской партии, сколько присущая якобы крестьянству реакционность пугает, как мы видели, идеологов рабочего класса. Но, пока еще робко — в подстрочном примечании — даже Р. Абрамович признает, что история последних лет показала, что крестьянство вовсе не непременно становится на сторону реакции, а, наоборот, часто даже вступает в союзные отношения с социалистами. От того или иного поведения рабочего класса, конечно, будет зависеть и отношение к нему крестьянства. Не случайно — и едва ли в этом вина лежит на одном только большевицком строе, — что «антиправительственные и антисоветские настроения в крестьянстве, проявляющиеся все с большей силой и напряженностью... чем дальше, тем больше принимают характер, направленный и против города, и против городских рабочих, и против социализма*». Это лежит не столько в природе крестьянства, сколько обусловлено ролью самого рабочего класса в русской революции. Только напрасно Р. Абрамович говорит сейчас же после приведенных слов, что крестьянство и «против революции». Нет, именно *одно только крестьянство сейчас за революцию*. И если рабочий класс обретет в себе снова силы и станет на революционный путь борьбы с большевицкой властью, тогда и настроения крестьянства в отношении к рабочим изменятся. Те, кто боится якобы реакционной сущности крестьянства, должны были бы свои усилия направить, главным образом, на разъяснение реакционной сущности современной власти и губительности для рабочих эту власть поддерживать в ее антикрестьянской политике. Пусть рабочий поднимает свой голос не только в

* Р. Абрамович. Термидор и крестьянство. — «Соц. Вестн.». 1929 г. № 7-8.

минуты, когда ему грозит падение заработной платы, но и тогда, когда его именем прикрывается чудовищная политика разграбления деревни.

Но нас спросят, на что же можно надеяться при такой изолированности крестьянства в его борьбе, при отсутствии опоры в городах, при его распыленности и политической неформальности, при отсутствии навыков к широкой общегосударственной постановке целей борьбы? Ведь это равносильно признанию безнадежности усилий крестьянства, равносильно утверждению, что власть выйдет победительницей в этой борьбе.

Прежде всего, мы не считаем, что крестьянство в данный момент так изолировано и отрезано от города, как могло показаться по нашим же предыдущим словам. Дело в том, что в России всюду так велика крестьянская прослойка, так крепко сидит подлинная крестьянская психология и в прошлом рабочем, и в интеллигенте, вышедшем из крестьянства, и в красноармейце, наконец, что настроения деревни проникают тысячами путей в город и окрашивают его политиче-

ски. Находятся и пути органической связи крестьянства с городом. Огромной может оказаться роль красной армии, этой «мобилизованной деревни», при открытом столкновении враждебных сил власти и народа. А главное, постоянное и упорное давление деревни на город, вызывающее неустойчивость в верхах и недовольство в низах, ведет к ослаблению власти и создает предпосылку для успешного завершения борьбы. Крестьянское море раскачивается медленно, и долго нельзя по легкой ряби и мелким волнам на его поверхности догадаться о близящейся буре. Сейчас уже и маловеры почувствовали, что буря назревает. Судорожно мечутся в ее предчувствиях те, кто чувят в ней свою гибель. Эти метания обнаруживаются во вне той борьбой вверху, которая все сильнее и сильнее разгорается на наших глазах. Всякий, кто сознает, что каждый час пребывания у власти большевиков губелен для России, должен вложиться действительно в борьбу снизу, которую ведет крестьянство на всем беспредельном пространстве нашей родины.

А. Омелянов.

О земельном вопросе в России.

В своем «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 года Ф. М. Достоевский писал: «это уж какой то закон природы, не только в России, но и во всем свете: кто владеет в стране землей, те и хозяева этой страны, во всех отношениях». В дальнейших строках связь между земельными отношениями и всей остальной жизнью страны представлялась писателю еще более важной. Он утверждал: «каков характер землевладения, таков и весь характер нации».

Можно спорить — так ли на самом деле велика и постоянна «власть земли» над жизнью народов. В применении к России бесспорно то, что земельный вопрос в ее жизни последних десятилетий имел первостепенное значение. Отпор царской власти против крестьянских требований земли повел к падению крестьянской веры в справедливость царя и преданности ему. Тогда зашатался трон... Земельная политика большевиков, пошедшая в 1917—18 годах полностью на встречу земельным желаниям деревни, дала им несомненную и большую поддержку деревень. Крутой перелом в этой политике, происшедший в 1919 г., дал плодородную почву противобольшевистского «белого движения» на юге России. Земельная политика самого этого движения с его стремлением восстановить дореволюционные земельные отношения была одной из важнейших причин его гибели... Земельная программа большевиков в последующие годы была причиной, которая то обесценивала спокойствие деревень и их мирные отношения с властью, то превращала крестьянство в боевую враждебную рать. Такими вооруженными станами власть и крестьянство стоят друг против друга и в настоящее время.

Втечение десятилетий колеса всех крупных событий в России вращаются, как вокруг своей оси, около земли и земельных отношений. Не изменится это положение и в послебольшевистской России. Очевидным является уже и сейчас, что ряд вопросов, связанных с землей, в близком будущем России будут и важными, и острыми. Общественная и политическая борьба вокруг них заполнит русскую жизнь на новые десятилетия.

Среди земельных вопросов нашего будущего важнейшими являются три: 1. вопрос о выкупе за землю, потерянную во время революции преж-

ними владельцами; 2. вопрос о формах землевладения и 3. вопрос о формах землепользования.

О ВЫКУПЕ ЗА ЗЕМЛЮ.

1.

Вопрос о выкупе за землю хотя и не является самым важным из трех указанных, но можно уверенно утверждать, что он будет самым боевым. Борьба вокруг него будет и дольше, и острее.

Вспомним: во время великой французской революции продажа отобранных государством земель началась в 1792 году, а выкуп за них («землевладельческий миллиард франков») был уплачен в 1826 году; борьба вокруг вопроса — платить или не платить за землю — тянулась, следовательно, 33 года... Оглянемся вокруг себя: земельная реформа проводится в повсеместной Европе тринадцатую (не считая России) государствами; разное оценивается разными кругами это вмешательство государства в земельные отношения, но теперь уже никто не ведет открытой борьбы против самого факта земельных реформ; ожесточенная борьба кипит зато вокруг вопроса о размерах выкупа за отчужденную землю. Борются общественные и политические круги не только *внутри* отдельных стран, в борьбу вовлечены и силы международного характера: из-за размеров оплаты за землю враждуют между собой государства; к решению споров притянут международный суд в Гааге; вопрос об оплате за землю уже стоял на повестке Лиги Наций и несомненно будет не раз стоять снова... Соответственные явления наблюдаются и в жизни русской эмиграции: вопрос о полном или частичном восстановлении дореволюционных земельных отношений в настоящее время снят, но тем определеннее ставится вопрос об уплате за нее. Об уплате говорят не только в группах бывших русских землевладельцев, но и спор выносятся на страницы печати. О выкупных возделаниях мы читали не только на страницах реставрационного «Возрождения», но и в благообразном «Вестнике Национального Комитета» (статья Тхоржевского). В эмиграции имеется даже «земледельческая» партия, которая, якобы во имя интересов сельского хозяйства и земледельцев России, выкуп за землю делает важным пунктом

своей программы, посвящая ему статьи, написанные с благородным негодованием против захватчиков чужого добра и с благородным убеждением в том, что русский мужик не вор и за землю с радостью заплатит (см. журнал «Хозяин»). Землевладельцы организуются вокруг выкупных платежей и под своим собственным именем, и под невинным названием «земледельцев». Заявку своих прав они уже сделали и теперь их защищают — пока устным и печатным словом, в будущем они прибегнут и к другим средствам.

Борьба будет упорной и долгой, ибо велики интересы, которые связаны с нею, и велики силы, которые в ней примут участие. После французской революции дело шло об одном миллиарде франков, т. е. примерно о 400 миллионах золотых рублей*). В России былые землевладельцы потеряли не меньше 80 миллионов гектар. Их рыночная стоимость, даже при низкой расценке, равняется по крайней мере, 4—5 миллиардам рублей. Тут есть из-за чего вести борьбу любой длительности и всякими средствами!... И эту борьбу есть кому вести: землю потеряли не только помещики, но и верхние по зажиточности крестьянство. Обе общественные группы потеряли землю в количествах примерно равных — по 40 миллионов гектар, но число потерпевших в обеих группах далеко не равное. Помещиков, по определению Столыпина, было 130.000 человек, число крестьян, потерявших часть своей прежней земли с такой определенностью назвать нельзя, но оно, несомненно, перевалил за миллион человек. В борьбе за свои интересы прежним помещикам будет на кого опереться.

2.

Имеются, таким образом, достаточные основания, чтобы русским политическим группировкам ставить вопрос о выкупе за землю и так или иначе решать его. Между тем, определенно ставят и решают вопрос только землевладельцы — откровенные и прикровенные, — да сторонники реакции, которые в землевладельческих симпатиях ищут себе опору и поддержку. Остальные группировки, как правило, на большой и острый вопрос русской жизни отвечают молчанием, умножая ряды «непредрешенцев».

Осколки эсеровской партии все еще остаются при своей старой земельной программе. По ней земля должна была идти в перераспределение без выкупа, но в какой мере этот пункт программы выражает действительные настроения эсеровской партии в ее нынешнем состоянии, остается неизвестным. Отдельные лица в этой политической среде занимаются пересмотром старых положений. К числу наиболее деятельных ревизоров принадлежит И. И. Бунаков. По земельному вопросу им был помещен ряд статей и сделан ряд публичных докладов. Ни в тех, ни в других мы ни разу не нашли отклика на самый острый вопрос в земельной политике будущей России. Он всегда тщательно обходился.

Не нашла в себе творческих сил, чтобы наново, применительно к новой обстановке, поставить земельный вопрос и другая народническая партия нашего недавнего прошлого — народные социалисты. Как и эсеры, и они формально остаются при старой программе, сознавая ее непригодность для сегодняшнего и завтрашнего исторического дня России. В противоположность эсерам, среди народных социалистов никто не за-

нимается пересмотром былых партийных положений даже в порядке личной работы и за личную ответственностью, как это делает И. И. Бунаков. Поскольку устаревшая программа сохраняет для этой партии свое значение, народные социалисты стоят за выкуп земли. Русские социал-демократы оказались гораздо более деятельными и творческими — они нашли в себе достаточно и сил, и мужества, и сплоченности, чтобы пересмотреть свою прежнюю программу. В мае 1924 года ими была принята новая «партийная платформа». Довольно значительный раздел ее посвящен требованиям партии «в сфере земельной политики». Мы тщетно искали в нем хотя бы намек на решение вопроса о выкупе за землю. Ничего по этому вопросу не нашли мы и в статьях «Социалистического Вестника», которые разъясняли и обосновывали новую программу. В вопросе о формах землевладения партия заявила себя «непредрешенческой», в вопросе о выкупе она оказалась прямо молчаливой.

В процессе пересмотра своих прежних позиций находится левое крыло бывлой кадетской партии, возглавляемое П. Н. Милоковым. Поскольку нам известно, своей собственной партийной программой или платформой эта группировка не имеет. Она зато принимала деятельное участие в выработке платформ для группировок «второго этажа» и для республиканско-демократического объединения в Париже. В платформе последнего о выкупе ни слова. Решительные сторонники разрешения больших вопросов русской жизни во всех остальных случаях, тут и они сочли для себя очевидно необходимым занять позицию, столь порицаемые ими в других случаях... Ни слова о выкупе нет и в платформе республиканско-демократического союза, состоявшего из «Крестьянской России» и группы П. Н. Милокова. При выработке этой платформы осенью 1923 года (в Париже) представители «Крестьянской России» пытались решить в ней вопрос о выкупе, но встретили сопротивление со стороны П. Н. Милокова.

Таким же молчанием был обойден выкуп за землю и у той группы лиц, которая создавалась в 1926 году для издания журнала «Борьба за Россию».

Среди русских демократических группировок определенный отрицательный ответ на вопрос, которым мы занимаемся, имеется только в программе «Крестьянской России».

Чем бы ни объяснялось такое почти всеобщее и почти полное молчание русских демократических группировок по важному и острому вопросу земельной политики в послебольшевизской России — непониманием ли важности этого вопроса, сознательным ли стремлением иметь свои руки развязанными на все случаи жизни, склонностью ли решить его в положительном смысле и отсутствием мужества, чтобы это заявить — одобрить такое «непредрешенчество» невозможно. От того или иного ответа на него зависит судьба основной части населения России — крестьянства — и судьба основной части народного хозяйства России — хозяйства сельского. А на них обоих, как на своем фундаменте, стоит вся Россия.

Так располагаются русские политические группировки: силы против крестьянства и его хозяйства отчетливы, определены, находятся в боевой готовности и своих намерений вознаградить свои потери за счет интересов сельского хозяйства и деревни не скрывают; силы, которые бы стояли в том вопросе, о котором идет речь, на стороне сельского хозяйства и крестьянства, или совер-

* Никакий процент по государственному долговому обязательству еще более снизил эту сумму — 240 миллионов рублей.

шенно отсутствуют, или молчаливы и бездеятельны. Исключением в этом расположении сил является только Трудовая Крестьянская Партия.

Рассмотрим основания, опираясь на которые откровенные и прикровенные правые группировки решают вопрос о выкупе за землю положительно, а «Крестьянская Россия» отрицательно.

3.

Первым основанием является указание на пример других государств, которые, проводя земельную реформу, платят за отчужденную землю прежним владельцам. Эта ссылка, мало доказательная по своему существу, грешит и фактической неправильностью. Среди 13 государств, проводящих земельную реформу, два государства (Эстония и Латвия) отчуждение земель объявили безвыкупным, третье (Югославия) высказалось за оплату отобранных земель, но соответственный закон не издан и до сей поры. Среди 10 остальных государств только три (Австрия, Венгрия и Германия*), стремятся уплатить за отобранную землю ее полную рыночную стоимость, все остальные платят лишь частичную стоимость, причем последняя колеблется от 50% до 0,6% (в Бессарабии) и нуля (в Литве в период обесценения ост-марки) рыночной цены... Ссылка на другие государства, таким образом, ничего не дает, ибо она фактически — неправильна. Она ничего не могла бы дать и в случае своей правильности: все государства проводят земельные реформы, в России же произошла земельная революция, т. е. такое же стихийное явление, как буря, землетрясение или как обесценение денег, пережитое рядом государств Европы после войны.

Обесценение денег... — вот явление, которое можно поставить в один ряд с земельной революцией в России. При обесценении денег, которое происходит так же неотвратимо, как произошла земельная революция в России, прежние имущественные отношения людей переживают катастрофу — богатые часто делаются бедняками, бедняки часто наживаются за счет богатей, третьи остаются совершенно незатронутыми налетевшей бурей. И, однако, никому не приходит в голову требовать от государства, чтобы оно восстановило те имущественные отношения, которые существовали до обесценения денег, чтобы оно вознаградило потерявших и отобрало бы часть имущества у нажившихся. Почему же такое поведение считают обязательным для русского государства в отношении прежних и новых держателей земель?

Второй довод сторонники выкупа за землю ищут в области справедливости. Им кажется несправедливым, чтобы крестьяне без оплаты владели землей, которая до революции принадлежала другим и принадлежала по праву. Защитники землевладельцев становятся тут на скользкий, на опасный путь. Им можно предьявить вопрос: справедливо ли владели землей *все* прежние землевладельцы? Огромные земельные площади, подаренные (зачастую без всяких государственных заслуг) отдельным лицам царицами и царями; земли, отобранные у их прежних владельцев насильем и обманом (башкирские земли, например); крестьянские земли, отрезанные в пользу имений при освобождении крестьян («отрезки»); земли, переданные, с нарушением интересов крестьян

при проведении Столыпинской реформы «столыпинским дворянам» — было ли справедливым приобретением земель во всех этих случаях? Но это приобретение было одобрено законной властью, говорят сторонники землевладельцев, оно произошло на основании законов. Верно, но, во-первых, не всякий закон справедлив, во-вторых, такую же законную властью в период революции были те массы, которые тогда делили земли в соответствии со своими представлениями о должном и справедливом, ибо никакой другой власти и других законов не было... Земельные отношения в России переживали резкие перемены не раз. Прежде они производились или по прямому и специальному приказанию верховной власти, или при ее молчании и бездействии училились сильными, или совершались на основании общих законов. Теперь они были произведены такую же верховною властью — верховною властью революционных масс — и новый земельный строй, если не более, то и не менее, справедлив, чем тот, который возник после конфискации земель царями-собирателями Руси, после конфискации Ивана Грозного, после отобрания земель у монастырей при Екатерине II, после раздач земельных просторов при Елизавете, Екатерине II, Павле I, Александре I, после отмены крепостного права и в результате Столыпинской реформы.

Сторонникам «справедливости» можно поставить ответный вопрос. Справедливо ли, чтобы при всеобщем крушении и разорении, которым явилась русская революция, при всеобщих потерях, понесенных во время ее, была бы выделена одна группа лиц, которой ее потери были возмещены, а все остальные потерявшие остались бы в потерях невозмещенными? Теряли все: владельцы денег, которые были обесценены; владельцы сожженных и разрушенных домов; чиновники потеряли свои прежние службы, жалованья, пенсии; держатели процентных бумаг свои сбережения в них; вкладчики свои вклады в банках, судо-сберегательных кассах, кредитных кооперативах; потеряли те, у которых убиты, умерли от голода и болезни близкие — часто кормильцы и поилцы; писатели потеряли свои рукописи, духовенство свои доходы, торговцы и промышленники свои предприятия и так далее, без конца. Теряли все, теряли всё и во всё. Почему же все они должны остаться со своими невозмещенными потерями и только бывшие землевладельцы должны составить счастливое исключение? Или возмещать и всех остальных? Но тогда надо всю Россию превратить в комиссию по учету убытков и в суды для рассмотрения всех претензий, причем в результате все окажутся обязанными платить всем... Трудно усмотреть какую-либо справедливость в том, чтобы при всеобщем пожаре и крушении среди пострадавших была выделена одна произвольная группа и только ей одной потери были оплачены.

Послебольшевицкое государство России будет вынуждено устанавливать новые порядки и новые отношения, руководясь не юридическими правами прошлого, а народно-хозяйственной целесообразностью в настоящем. Это — единственное начало, которым оно может, должно и, вероятно, будет руководиться при приведении в порядок народного хозяйства. При этом будут случаи, и, вероятно, частые, когда держателем имущества станет его прежний владелец, но так случится не потому, что он был таковым прежде, а потому, что в данном живом случае будет существовать уверенность в наиболее полном или разумном использовании имущества.

* С декабря 1926 года к этим трем государствам прибавилось четвертое — Польша... Финляндия за главную массу отчужденных земель платила *частичную* рыночную стоимость, за гораздо меньшую часть их она уплачивает рыночную цену полностью.

С точки зрения народно-хозяйственной целесообразности должен решаться и вопрос о выкупе за отобранную землю. Так по преимуществу подходила к нему и «Крестьянская Россия», высказываясь в своей программе не только против земельной реставрации, но и против земельных репараций. Приведем важнейшие из этих соображений.

Центральным фактом русской жизни является аграрное перенаселение. На земле и от земли живет большее количество населения, чем это нужно для ее использования. В большинстве районов России перенаселение является относительным — при нем избыток населения на земле объясняется низким уровнем сельского хозяйства и при подъеме последнего избыток бы исчез. В других районах перенаселение является абсолютным — в этих районах и случаях возможный подъем хозяйства не занял бы все рабочие руки земледельческого населения; от подъема хозяйства перенаселение бы уменьшилось, но не исчезло... При современном состоянии русского сельского хозяйства, избыток земледельческого населения огромен — его определяют в Европейской части России в 20—22 миллиона человек.

Аграрное перенаселение страшную тяжесть давит на все стороны русской жизни. Оно ведет к переполнению городов рабочими руками, ищущими заработка. Заработная плата при таких условиях обязательно будет низкой. Оно ведет к бедности русских деревень, вынужденных прокармливать два десятка миллиона ненужных для хозяйства ртов. Жилища, питание, одежда и вся жизнь сельского населения не может не находиться на весьма низком уровне. Низкой неизбежно должна быть и культурность деревенского населения. Сельское хозяйство при аграрном перенаселении является неустойчивым и мало способным к развитию, ибо в нем с чрезвычайной медленностью накаплиются запасы, необходимые про черный день и для лучшей постановки хозяйства. Еще меньше накапливается в сельском хозяйстве капиталов, которые могли бы уходить в другие отрасли народного хозяйства и содействовать их развитию. Перенаселение замедляет развитие неземледельческих отраслей хозяйства и тем, что бедное сельское население по необходимости покупает в малом количестве продукты промышленности, мало пользуется железными дорогами, мало покупает книг, редко выписывает газеты и т. д. Кроме того, избыточный труд сельского населения всегда будет искать своего приложения в ремеслах, как бы занятии ими ни было невыгодным по сравнению с фабричными или заводскими производствами; это обстоятельство

будет понижать и нужду деревни в произведениях фабрично-заводской промышленности... Аграрное перенаселение замедляет развитие всей жизни — во всех ее сторонах и проявлениях. Оно является поэтому бедой не только крестьян и сельского хозяйства, но всей страны и всего народного хозяйства.

К избавлению от аграрного перенаселения и к его уменьшению ведут разные пути: 1. подъем сельского хозяйства, в результате которого хозяйство было бы способно поглощать большее количество сил и рабочих рук, чем теперь; 2. увеличение земли, находящейся в обработке, при помощи переселений крестьянства на пустующие земли в средне-азиатских владениях России и Сибири, превращение ныне неудобных земель в удобные; 3. усиление внеземледельческих отраслей народного хозяйства, путем развития торговли, промышленности, железных дорог и пароходства, и т. п. Самым важным и самым доступным из перечисленных мер является увеличение сельского хозяйства в уже существующих крестьянских дворах, на уже обрабатываемой земле. Но для этого улучшения необходимы в первую очередь капиталы, которые могут быть на это улучшение обращены, ибо крестьянский двор, который продает все, что он в течении года вырабатывает, к подъему своего хозяйства почти неспособен. Если сельское хозяйство России до сих пор стоит на низком уровне развития, то это больше всего объясняется тем, что капиталы его нищенски жалки. Несколько цифр покажут это с большой яркостью и убедительностью. На один гектар (т. е. на 2200 квадратных саженей) земли, не считая стоимости самой земли, приходилось капитала в мелких крестьянских хозяйствах (в золотых рублях):

в России (хозяйства до 2,2 гект.) . . .	39 руб.
в Сев. Америке (хозяйства до 8 гект.) . . .	325 «
в Чехословакии (хозяйства до 5 гект.) . . .	681 «
в Дании (хозяйства до 10 гект.) . . .	744 «

Выкачать из такого нищенски бедного хозяйства несколько миллиардов золотых рублей в порядке уплаты за землю, отобранную от прежних владельцев, значит не только снимать с нищего последнюю одежду, но и подрывать корни того дерева, под которым и от которого вся Россия живет.

Интересы не только крестьянства и его сельского хозяйства, но и всей России и всего русского народного хозяйства вопиют против выкупа за землю. Плохую поэтому службу служат России не только высказывающиеся за выкуп, но и обходящие этот вопрос молчанием.

Сергей Маслов.

В России.

В городах и селах нынешней России.

(Впечатления рабочего).*

В поезде и на станциях слышны разговоры, критикующие правительство; некоторые и прямо ругают коммунистов.

В Москве и Петрограде осматривал музеи и галереи. В Третьяковской галерее бросается в

* Автор печатаемого письма — рабочий. Работал прежде в России, но пятнадцать лет назад выехал из нее и теперь работает за границей. По национальности — русский, но теперь является иностранцем по подданству. Сочувствует «Крестьянской России» и с одной из наших групп связан личными и деловыми отношениями, но членом партии не яв-

глаза разница произведений дореволюционных и революционных; первые глядят на тебя, как живые, и от них оторваться трудно — больно уж красивы и выразительны, тогда как вторые все равно, что кулленные с лотка, неинтересны. Занимательны музеи производства, где можно было

любоваться... Об обстоятельствах, при которых попал в Россию и имел возможность поехать и пожить в ней, по понятным причинам, сказать не можем. Отметим лишь, что автор пользовался вниманием со стороны коммунистов-профсоюзников и города осматривал, как правило, под их руководством. Освободился от услуг коммунистических руководителей, только попав в села Украины... Письмо печатаем с небольшими пропусками, легкими изменениями мест, могущих выдать личность автора. Редакция.

видеть живую работу фабрики или железной дороги.

В Царском селе осматривал покой семьи Николая II-го — спальни и гардеробы. Поразило меня то, что чересчур уж много было платяев и костюмов. Показывали последнее место пребывания Николая II. Фабрики и заводы почти все пусты, есть новые здания; все шумит, идет, и незаметно, чтобы жизнь на них имела какой-нибудь кризис. Петроград от Москвы отличается тем, что в Петрограде публика одета скромно, но хорошо. Не слышно хулиганства, не видно пьянства. В Москве же наоборот: босоты и оборванцев — тьма-тьмущая, пьянство и хулиганство.

Церквей в Москве действует процентов сорок, религиозного подъема не наблюдается, но не раз замечал, как гражданин, проходя мимо церкви, снимает шапку, перекрестится и идет дальше. Рабочие сносно обеспечены заработком, живут недурно и, во всяком случае, не хуже довоенного времени. Но только те рабочие, которые стоят на производстве. Плохо тем, что за их спинами стоит 45% безработных, и при малейшей провинности виновный заменяется безработным. Когда я спрашивал рабочих — лучше ли условия труда после сокращения рабочего дня, то ответ был таков: «Теперь рабочих часов меньше, но требования к продуктивности труда те же. Такая нагрузка иногда бывает через силу, придется домой и отдохнуть не можешь, а тянуть надо, а то сзади стоит безработный».

Был в Баку. Повидал впервые красивые горы Кавказа. Тамошние крестьяне — грузины, армяне, осетины и других национальностей — одеты плохо и живут, видимо, плохо. Степенные, солидные люди. В Баку видел нефтяные промыслы, рыбные и другие. Также и там рабочий хорошо обеспечен и также масса безработных. На одних нефтяных промыслах работает до 45 тысяч. Жил-строительством выстроены хорошие железобетонные дома для рабочих, в квартирах есть ванны, теплые удобства и газовые кухни. Но все это лишь на 500 человек; остальные рабочие в Баку находятся в очень скверных квартирных условиях, некоторые ночуют в старых баржах. Нефтяные промыслы, по моему, работают хорошо; есть новые машины и оборудование.

Побывал в Днепрострое. Мне коммунисты рассказали о громадности строительного плана Днепростроя и его задачах электрофикации и искусственного орошения полей. На Днепрострое главную роль — плановую и техническую — играют немецкие инженеры, а руководят работами, т. е. непосредственно связаны с рабочим трудом, русские инженеры, главным образом, молодяк советского выпуска. Устроены там столовые, где пищу готовят на электрической кухне и хлеб пекут в электрической пекарне, тесто месит электрическим приводом. Громаден план, и уже много выполнено. Но все как-то не верится в его завершение, думается — не хватит потрохов и придется сдать в концессию иностранцам. И вторая мысль возникает — зачем тратить такие средства и силы на Днепрострой, когда кругом нищета и культурная отсталость? Неужели для того только, чтобы было чем похвастаться!

В Донбасе тоже жизнь кипит. Под землей целые города. Хотя это и старые предприятия, но в настоящее время они не стоят, а идут полным темпом.

Побывал и в ряде сел на Украине. В одном прожил довольно долго, заслужил доверие и вот что слышал на свои расспросы о том, как живут крестьяне при советской власти.

Имеет хозяин, у которого жил, с большой

семьей 2 лошади, 1 корову, десяток овец, обрабатывает 7 десятин земли, платит государству сельхоз-налога 70 рублей, да еще местные; всего около 100 рублей. Есть возможность обрабатывать и больше, увеличить хозяйство, да нельзя — в кулаки попадешь, тогда не только увеличится налог на все хозяйство, а еще обложат индивидуальным налогом, от которого увеличение хозяйства сойдет на нет, да еще, пожалуй, убыток будет.

В этом году пшеницу решили не продавать, а чтоб уплатить налог, купили 4 свиньи, откормили их хлебом, и одну продали за 100 рублей. Разделались с налогом, а три свиньи остались на сало. Скормили свиньям хлеба немного, а уплатили налог и сами остались с салом. Если бы продавать хлеб для уплаты налога, то пришлось бы спустить не меньше 100 пудов пшеницы. Теперь же пшеница в запасе и ее хватит больше чем на год. Вместо пшеницы собираются сеять лен, который можно продать зерно 7 руб. пуд, волокно тоже в цене. А потом, когда надо будет, снова за пшеницу.

Когда я им стал доказывать, что пшеница сейчас нужнее государству, городу и рабочим, мне ответили, что рабочие живут хорошо, работают семь часов, получают хорошее жалование, квартиру. У них есть клубы, театры, школы для их детей; для них открыты университеты. Их туда силой пихают и бесплатно учат, их власть любит и недаром себя называет «диктатурой пролетариата». Потому она за счет крестьянина хочет облагодетельствовать рабочего. Крестьянин все подает для власти, рабочего и города. А что они дают крестьянину? У нас в селе 60% неграмотных, до революции и то этого не было. Хочешь учить хлопча, так плати 50 к. в месяц; нужно лечить лошадь — плати деньги, заболел сам — плати деньги за лечение. Кругом все кражи да убийства, охраны нет. Хотели свою нанять, власть говорит — платите деньги, а мы вам назначим милиционером с подчинением начальнику районной милиции. Ну, мы подумали и решили отказаться, а то пришлют какихнибудь хулиганов-коммунистов и с ними еще больше хлебнешь горя. Теперь, как солнце зайдет, запираем все на замки и сидим в избах. Порядку для крестьян никакого нет, а дерут с нас до нитки.

С.-хоз. машины починаем старые, прислали для колхоза один трактор, он теперь стоит сиротой, никто на нем не работает, потому что колхоз сам себя кончил. Товару в кооперативе нет; пришлют, как недавно, 18 платков на 2000 семей, ну они и лежат на полках. Как их поделить? 18 семьям дашь, а остальные будут ругать — почему им не дали. Так и с другим товаром. Если он лежит в лавке, то только потому, что его очень мало и нельзя разделить. Вот, как о нас заботится власть! Вот как рабочие живут с нами по-братски! После этого какой же дурак-крестьянин будет заботиться о городе, о рабочих. Пускай они строят свои фабрики и заводы и царствуют сами по себе, а мы сами по себе.

Крестьяне даже поговаривают, что совсем не надо покупать городских товаров, не надо сеять хлеба для продажи, потому что надо доказать «красным дворянам», что и у крестьян есть сила. Белых дворян-помещиков свергли, думали земля будет наша, а вышло, что землю передали новым дворянам-колхозам. И по-старому крестьянин работает на этой земле, как у помещика, поденно и подесятинно, и не 7 часов в день, а 17, а получает те же гроши, что и у помещика. Передел то земли сделали, только не помещи-

чей, а своей крестьянской, нас же уравнили за наш крестьянский счет. А помещичья земля, как и раньше не наша, только управляется не помещиком, а коммунистом — «Завом».

Заглядывал в сельсовет. Главную роль там играет секретарь. Почти мальчик, коммунист. Пишет сносно, в общем неразвит. В общественных крестьянских делах ничего не смыслит. На меня произвел жалкое впечатление. Я потом спрашивал — почему вами правит мальчик? Мне ответили, что взрослому тяжело перед крестьянами моргать глазами за действия власти. И никто из взрослых, умный и честный человек, не пойдет на службу к власти. А мальчишка, чего он еще видел? Жизни не понимает! Вот и околачивается в Сельсовете, не принося пользы ни крестьянам, ни власти. Он бесполезен, но и не вреден — так себе; и власти хочет услужить, и крестьянам угодить. В прошлом году к нам прислали настоящего коммуниста, так тот сразу прытко взялся за дело. И недоимки вытеснять, и отчеты, и обложения, и кулаков. Одним словом, — настоящий шпион. Так ему живо скрутили голову — нашли убитым. А этот мальчишка очень побоявляется и льстится к крестьянам.

Верст за сто от района, где я жил, уж начинается местность, где голодают. Оттуда идут крестьяне на заработки, вернее, за хлебом. Крестьяне вперед разузнают и, если он не коммунист, то помогают хлебом. Вообще среди крестьян развита взаимопомощь, один другого поддержи-вают.

Об отделении Украины от России крестьяне ничего не знают и не говорят об этом. Введением галицийского языка недовольны.

Теперь крестьяне загнаны в тупик. Боролись, ждали свободы, помещичью землю хотели разделить между теми, кто на ней трудится, а на деле ни свободы, ни земли. Создалась такая жизнь, что даже при царе жилось легче. Рыкова, Калинина и др. главарей и знать не хотят. Говорят, что все это шпана из рабочих и ничего не понимают в нуждах крестьянства и толком не могут править Россией. Вот когда добьемся свободных выборов и пошлем в Москву хороших, понимающих дело людей, тогда будет порядок и жизнь лучше для всех.

Спрашивал о красноармейцах. Мне сказали так: в красной армии их хорошо кормят, ухаживают за ними и все время пичкают коммунизмом. При возвращении домой им наказывают просвещать деревню, распространять идеи советской власти. Многие из них, как придут в деревню, ораторствуют, хвалят коммунистов, а недели через три пыл у них остывает, а через три месяца, присмотревшись к тому, как грабят и обижают крестьян, сами начинают ругать власть и говорят, что в красной армии их обманывали.

Перед отъездом из России был второй раз в Москве и попал на доклад какого то коммуниста (фамилию забыл) перед делегатами нескольких профсоюзов из провинции. Талдычил он о задачах власти в социалистическом строительстве и о значении пролетариата. Наверное он думал, что все его слушатели поклонники существующей власти, потому что очень уже откровенно говорил. Я за эту открытость сказал ему от всего сердца спасибо. Он открыл мне и вовсе глаза на творящееся в России. Вся речь его была переполнена росказнями о пролетарской революции, о пролетарском строительстве, об интересах пролетариата, о том, что партия — передовик рабочего класса, и рабочие должны всецело содействовать партии. О крестьянах говорил, как, о враждебном классе, о необходимости борьбы с его мел-

кобуржуазной породой, с его частнохозяйственным укладом. Говорил, что непобежденным остался только один враг — крестьянин, и его должны победить. Когда же начали спрашивать о концессиях для иностранцев, о финансах, о падении червонца в цене и прочее, он ответил, что не спец по этим вопросам. Значит, ему дали только одну задачу: навострить делегатов против крестьян.

Я повторяю свое спасибо этому докладчику, что помог мне узнать настоящее лицо «рабоче-крестьянской» власти. Я понял крестьянскую политику: «пусть рабочие строят свои фабрики и кормятся ими». Но я думаю, что и существующие фабрики станут, потому что деревня не даст сырья и не будет потребителем фабричного производства. Они замкнутся в свое хозяйство и совершенно прекратят снабжение городов. Уже и теперь на рабочего крестьянин смотрит, как на красного дворянина, пользующегося благами за счет невыносимой жизни крестьянина. Доведут коммунисты рабочих до голода, до открытой вражды с крестьянами. Много берет на себя партия коммунистов, опрометчиво делает и рабочий класс, допуская ее до издевательства над классом крестьянским.

Учащаяся деревня.

Учащиеся в современных «вузах» делятся на три слоя — рабочие, дети советских служащих и дети крестьян, пришедшие непосредственно из деревень. Число последних бросается в глаза — их никогда не было столько в высших учебных заведениях России, как теперь. Этот повышенный прилив в городскую школу крестьянских сыновей еще сильнее заметен в школах второй ступени — в губернских и крупных уездных городах они зачастую составляют большую половину учащихся. То, что раньше наблюдалось лишь в средних школах губерний, в которых земство было крестьянским по составу (Вятская, Пермская, северные уезды Вологодской), и что тогда было результатом специальных усилий этих земств, теперь сделалось явлением общероссийским и самопроизвольным. У меня создается такое впечатление, что происходит новая смена русской интеллигенции в смысле ее социального состава. Если в 60-тые года ряды прежней, почти исключительно дворянской интеллигенции начали густо пополняться интеллигенцией разночинной, но по преимуществу городской, то теперь идет подготовка широких кадров интеллигенции крестьянской.

И дело не только в количестве крестьянских детей — дело и в их качестве. Жизнь средней школы я знаю плохо, гораздо лучше знаю «вузовцев». И здесь замечается отчетливая разница между теми тремя группами студентов, которые указаны выше. Самые «беспечные» из них по части науки и всяких исканий являются рабочие. За ними идут дети советских служащих. Выше всех стоят выходцы из деревень. Эти последние «грызут гранит науки» не только с наибольшим ожесточением, но обычно и с увлечением. Наблюдая их, мне часто казалось, что на них почивает святой и деятельный дух их далекого прадеда — беломорского рыбака М. В. Ломоносова. Среди них же гораздо чаще, чем среди двух остальных студенческих групп, встретишь разговоры и раздумье по поводу вопросов, не только далеко выходящих за пределы учебной программы, но и прямо противоречащих стремлениям современных заправил школьной полити-

кой. Не часто, но все таки возможно в этой среде услышать порой речи, которые, казалось бы, сделались преданием и которых нигде уже не услышишь — речи о служении народу, хотя под народом тут понимается исключительно деревня... В студенчестве повторяется то же, что сведущие люди отмечают по отношению к рабочей среде: «деревенщина» всегда среди рабочих была самой отсталой и самой пассивной частью, а теперь она самый подвижной и взрывчатый материал в рабочей борьбе за свои интересы и права. Серьезные рабочие демонстрации в минувшем году в Москве (в Замоскворечьи), сопровождавшиеся разгромом кооперативных и казенных лавок (частные были не тронуты) руководились сезонниками — т. е. «деревенщиной». Так и в общеполитической жизни страны: крестьяне в истории нашей прошлой революционной борьбы постоянно шли сзади других слоев, а теперь они единственные всерьез и непрерывно борются...

Почему дети деревень так накиннулись теперь на учебу? Что заставляет так материально напрягаться их отцов? Обычный ответ известен: выросла оценка образования в деревнях, там все теперь знают, что образованному открыта широкая дорога. Это, однако, было известно и прежде, и все таки учили редкие и учились немногие. Сама молодежь сильнее рвется в школы? Это есть, но почему так ослабело сопротивление родителей? Почему теперь зачастую сами родители толкают детей подниматься по лесенке школьного образования все выше и выше? Я сам не мог разрешить этих вопросов головным путем, на них ответила мне жизнь устами одного деревенского наблюдателя. Ответ очень интересен, и я его передаю.

Как ни бедна современная русская деревня, как ни изощряются коммунисты в ее стрижке, в ней по неизбежному закону экономической жизни отслаивается пласт более зажиточных, чем вся остальная крестьянская масса. У него за покрытием текущих потребностей в пище, одежде, в текущем ремонте и т. п., остаются излишки. В каком виде можно сохранить это накопление? Прежде его можно было бы перевести в деньги и их положить в банк, в кредитное товарищество, раздать в долг за приличные проценты или наконец спрятать в чулок. Теперь это невозможно — на своих денежных запасах деревня теряла за последние полтора десятка лет не раз и советскому червонцу она не верит. Денежное накопление при таких условиях исключено... Происходило прежде накопление в натуральной форме — в виде обмолоченного зерна в закромах и немолоченных скирдах хлеба на гумнах. Теперь такое накопление опасно — за него недолго попасть под суд, подвергнуться обыску и быть ограбленным на все запасы в порядке применения 107 статьи уголовного кодекса по РСФСР и в порядке такой же 127 статьи по кодексу УССР... Раньше накопление могло пойти на расширение посевов, на увеличение скота, на замену соломенной крыши крышей железной, на покупку молотилки, которая обслуживала свое хозяйство и ходила в прокат к другим. Теперь все эти операции опасны — за них подпадешь под усиленное обязательство или даже будешь зачислен в «кулаки». Остается последняя возможность использовать накопление — пустить его на образование детей. Поимение капитала верно и совершенно безопасное. Так и помешает его деревня, и число ее сыновей в средних и высших школах растет. Получается и второй результат — столь же большевиками непредвиденный и вряд ли их деревенской политике соответствующий. Учащиеся

в средней и высшей школе крестьяне являются по общему правилу детьми зажиточного слоя. Значительная часть его рано или поздно попадает на учет фискально-сысского советского аппарата, их зачисляют в «кулаки», их учащиеся сыновья превращаются в детей «кулаков». При таких условиях они не могут попасть из средней школы в высшую; попав в последнюю, они нередко выбрасываются из нее при очередной чистке; кончив ее, они не могут получить службу, так как вся служба находится в руках компартии и детям «кулаков» ее не дают — она только для «трудящихся». Во всех случаях для учившихся детей деревни путь один — назад в деревню. Там и живут они теперь в количествах, прежде небывалых. Они грубеют от нравов и условий деревенской жизни сами, но и в свою очередь поднимают крестьянскую среду, обогащая ее новыми знаниями и понятиями, новыми стремлениями и задачами. В том подъеме сознательности современной русской деревни, которую отмечают наблюдатели, свое действие оказывают и эти вынужденно-деревенские образованные «насельщики».

Раньше или позже образованное деревенское население, конечно, уйдет из деревень, постепенно уходит оно и теперь, но оно уже не будет в состоянии так полно забыть деревню, так разорвать с нею, как забывало и разрывало прежде, уходя в городскую жизнь прямо со школьной скамьи или даже с того момента, как садилось на скамью в высшей школе.

Гибель благородных цветов.

...Из Германии ехала до Петрограда пароходом. Чтобы меньше обращать внимания на себя, решили с сыном выдавать себя за иностранцев. Возможность к тому имели, так как и я, и сын владеем английским в совершенстве и оба являемся гражданами Северо-Американских Соединенных Штатов. Принимая решение, имели в виду ГПУ, которое считали всезнающим и всевидящим. Врагом большевиков я не была. Не все их мероприятия одобряла, но считала их революционерами. Скажу определенное — я была на стороне большевиков. Их опшибочные и вредные меры оправдывала соображением — «лес рубят, щепки летят». К оценке большевиков эмигрантами относилась с полным недоверием; их суждения казались мне продиктованными исключительно чувством ненависти, а в ненависть, как в судью, я не верю.

Из моего решения ничего не вышло: из России я давно, но ее помню, люблю и было так трудно притворяться со своими русскими спутниками, возвращавшимися на том же пароходе из-за границы. Через день почти со всеми ими я чувствовала себя больше, чем близкой — немножко родной. По мере приближения к Петрограду, мои спутники, однако, менялись — они теряли веселье, теряли любезность, делались какими то рассеянными и хмурыми. Перед остановкой парохода и при сходе с него все они между собой казались незнакомыми. Меня поразила эта перемена, но поняла я ее, только пожив в России сама.

...Блестящий прежний Петроград теперь не узнать — он грязен, обелдел, поблек. Чувствуется даже не увядание, а разрушение. Уличное движение слабое, и плохо одетые, молчаливые люди ходят прямо по мостовой. Извозчиков мало и у всех заплата на заплате; их лошади худы, эки-

пажи стары и изношены. Автомобилей-такси почти нет. С бешеной скоростью мчатся трамваи, но не часто. Попасты в них трудно и еще труднее выйти — так они переполнены. Чтобы своевременно выйти, надо пускать в ход локти — люди огрубели и слова не действуют... Мы взяли с пристани извозчика. В пути он услышал замечание моего сына — как здесь бедно и грязно! Извозчика это, видимо, задело: он обернулся и сказал: «приехали бы барин к нам лет 15 назад. То ли было! И наша столица была, как столица. А теперь вот 10 лет все «строим» и чем дальше, тем «постройка» наша все меньшеает и бедняет. Двенадцать лет назад нас грех популат и теперь жиды заели. Негу ни жизни, ни радости». Так у первого же человека на родной земле я заметила и повышенное чувство национальной обиды, и обостренный им антисемитизм.

Приехала к родственникам. Было радостно увидеть их после стольких лет разлуки и таких испытаний. Но к радости быстро подмешалась горечь. Русские люди уже не представляют, что где то можно жить по человечески, имея все необходимое и занимаясь тем, чем хочется. На меня с сыном смотрели как на очень странных и очень богатых людей, которые могут позволить себе роскошь иметь чистое хорошее белье, книги, дорожные о том, как себя вести, куда лучше не ходить, кого не следует видеть, чтобы не навлечь подозрения. Целый ряд поручений я не могла исполнить, хотя эти поручения сводились к тому, чтобы лично передать приветы, передать книги — люди отказывались со мной встречаться, хорошо зная, что я всегда была чужда политике и остаюсь ей чуждой и теперь. А тут начались волнения в связи с жилищной площадью. С аршинами, веревочками и лентами в руках в каждой квартире до точности вымеряли площадь пола, и, если она превышала установленные размеры, начинались взволнованные тревожные поиски человека, которого можно было бы пригласить на жительство к себе. Боялись — как-бы не вселили чужого человека, да еще коммуниста.

Коммунисты в бытовую жизнь интеллигенции не вошли. С ними не знакомятся, а познакомившись, стараются не встречаться. При появлении коммуниста, разговор немедленно затихает и принимает иное направление, говорят при них не о том, что гнетет или занимает, а о житейско повседневном. Эти опасения основательны, так как критику интеллигенции власть совершенно не переносит и с «критиками» жестоко расправляется. Простонародье безбоязненно, повсеместно и самыми ужасными словами ругает большевицкую власть и та молчит, сносит.

Профессора живут тяжело. Трудно им работать и научно, еще труднее учебно. Все время надо подлаживаться — и под студентов с их низким уровнем знаний, и под своих космогонистов. И подлаживаются, чтобы жить. Материально живут очень стесненно, почти бедствуют, но не голодают. В будущее никто из них не смотрит и живут исключительно днем сегодняшним. Да и не живут, а прозябают. Утверждают иногда, что смены им нет, но на эту тему говорят неохотно. Молодежь действительно растет невежественная, и мой сын, присмотревшись к ней, однажды пораженный спросил меня — «мама, где они учились, какую школу они окончили?» А спрашивал он о вузовцах. Зато современная молодежь практически до неприятности. Говорят, что она американизирована. Это неверно — она далеко обогнала молодежь американскую. Последняя не ограничила бы своих интересов к загранице вопроса-

ми об оплате труда там для разных профессий и трудности устроиться на службу. А почти исключительно интерес этого рода проявлялся у тех молодых людей, с которыми разговаривала я в России.

Гораздо хуже положение писателей. Эти бедствуют по настоящему и некоторые из них опять голодают. Печатаются среди них не более талантливые, а более угодливые. Рассказывали мне об одном крупном и очень известном писателе; он написал в свое время яркую антикоммунистическую вещь и теперь нигде не может устроить своих произведений и бедствует отчаянно.

Хуже всех положение врачей и педагогов. Они бесправнее и гонимее всех остальных. Доктора прямо мученики. Если знают свое дело и любят его, то применять знания могут только в самых простых случаях, так как нет лекарств. Нет кино, эфира, перевязочных материалов. О специальных препаратах и говорить нечего — власть решительно отказывает в их покупке заграницей из-за отсутствия у ней валюты. Кроме того, широко распространены издевательства над врачами — их бьют. И защиты нет. Чаще это происходит в провинции, но случается и в столицах. В провинцию из-за этого врачи отказываются ехать. Голодают, но остаются в столичных городах. А голодают они и при работе, и без работы. Дело в том, что частная практика так обложена налогами, что из пяти рублей, которые врач получает за визит, он должен в виде налога отдать четыре. Профессора медицины практикой почти не занимаются, предпочитая ограничиваться педагогической деятельностью.

Но как бы ни жили разные группы квалифицированной интеллигенции, среди которых я врашалась, все они одинаково чуждаются политике и все одинаково боятся новых политических осложнений. Жизнь теперь, хоть плохо, но все таки как то налажена. При любом перевороте она опять расстроится и снова ее придется налаживать, а на это нет сил.

Эмиграцию в знакомых кругах не любят. За неосторожные письма, которые многих поставили в тяжелое положение, ее ненавидят. За лучшую жизнь, которой по представлению моих собеседников она живет, ей завидуют. Как возможных конкурентов, эмиграции, если она появится в России, побаиваются.

Распространено представление, что на смену большевицкой власти движется власть крестьянская и боятся ее ужасно. Она представляется им как бы горой-могучей, темной, беспощадной и в своем поступательном движении неотвратимой. Одни страхи связываются с этой силой и никаких надежд.

Страх — разнообразный, но всегда сильный — вот основная черта в психологии кругов высокой интеллигенции, которых я наблюдала. Из него рождается угодливость до полной потери человеческого достоинства и безрадостная бесперспективность. И все это не потому, что сами по себе плохи эти люди, а потому, что безумно тяжелую жизнь перенесли они в прошлом и переносят теперь. Благородный человеческий образ она ежедневно и грубо давила своим сапогом в хрупкой интеллигентской душе. И задавила. А у кого не задавила — те погибли.

Все время, которое прожила в России, мне казалось, что попала под колпак, из под которого выкачивают воздух — с каждым днем его становится все меньше и дышится все короче и труднее. Я с ужасом думала, что люди живут под ним уже двенадцатый год.

Единственная свобода — это половая. Боль-

шевики не только допустили ее, но и сами ее заботливо прививали. Но это не свобода, это грязная распушенность. Из инстинкта сохранения рода он превратился в похоть. Задуть свободу всех верований и убеждений, кроме большевистских, убить систематическим угнетением в человеке чувство уважения к себе и ближнему, свести любовь до голого физиологического акта — разве все это не один и тот же стиль, не единый процесс гибели культуры в ее высоких, в нежно-благородных проявлениях? От души культурного человека к душе волосатого прачеловека — вот линия развития России при большевиках, по крайней мере, интеллигентных кругов России.

Примыкает к этой линии и отношение большевиков к тому единственно-светлому и новому, что я увидела среди интеллигентной молодежи.

Все деятельное, горячее и с благородными голосами в душе уходит в религию. Кружки религиозных искателей вряд ли реже теперь, чем прежде политические кружки. Большевики ненавидят их. За ними охотятся, открывают, жестоко преследуют — руководители открытых кружков неизменно платятся тюрьмой и ссылкой, рядовые члены — тюрьмой. А кружки растут, ширятся и всасывают в себя все новых и новых представителей подрастающих поколений.

За это систематическое убийство цветов культуры в душе человека, за это нравственное понижение его, за эту похотливую муть, внедряемую в душу молодежи, за этот путь назад к зверю и рабу я возненавидела большевистскую власть. Из их сторонника перед поездкой, я превратилась теперь в их ненавидящего врага.

В Саратове.

В когда-то богатейшем хлебном центре, в Саратове, хлеба в вольной продаже нет. Чтобы достать хлеб, надо вставать в три-четыре часа и быстро идти записываться в очередь. Придешь, а перед тобой записано уже свыше двухсот человек. Так рано и уже такая очередь... Окажется, ночью молодежь возвращалась из кино, театра, из гостей или со своих свиданий и у каждой пекарни и хлебной лавки составляли список своих родителей, родных и соседей; список хранится у постового милицейского... Ничего не поделаешь — придется пропустить сотни людей, пока очередь дойдет до тебя.

Так с хлебом. Но вдруг узнаешь, что в таком то магазине выдают по литру на книжку постного масла, а в таком есть рис по пол-кило на книжку, а в П. Р. К. (центральный рабочий кооператив) пришла мануфактура и с завтрашнего дня будут записывать в очередь. С самого раннего утра до закрытия магазинов на обеденный перерыв так и бегаешь по очередям для записи. После обеда начинается жатва утренней беготни — где нибудь что-нибудь ухватить. На следующий день опять начинать сначала... Становишься во все очереди, какие только попадают по пути и часто, только занявши ее, спрашиваешь — «а что здесь выдают?» Отвечают — «Соленую воблу». «Гм... воблу... Без нее можно бы и обойтись... Э-э, все равно: если не достанешь мяса, из нее можно суп сварить. А если мясо достану, вобла полежит — она ведь не портится». Так каждый создает у себя маленькие продовольственные склады на черный день, и недостача продуктов на рынке от этого чувствуется еще острее.

Особенно плохо с бельевой мануфактурой. Она приходится раз в три-четыре месяца. Запишешься

на нее и должна ожидать несколько дней, пока очередь придет до тебя. Дождалась своего дня, идешь получать. Не тут то было: мануфактуру уже всю расхватили и надо ждать следующего привоза. Дождалась, опять записалась и счастье улыбнется — получишь 5—6 метров. Это на целый год на всю семью! Выкручивайся как знаешь! Стираем белье поэтому не часто и ходим не очень то чисто.

С верхней одеждой и того хуже. Кто ухватит сукна на пальто или шевитю на костюм, того или считают счастливецом, или подозревают в знакомстве с «жидом».

Люди в очередях какие то непостоянные. Пока часами стоят и дожидаются, ругают все на свете — и власть, и порядки, и бедность, и свое бессилие; с умилением на лице вспоминают «доброе старое время», когда «хлебом хоть завались» и стоил он только три копейки, когда в магазинах товару сколько угодно и можешь в мануфактуре рыться как хочешь, а не понравится и пойдешь — за тобой приказчик бежит, угоняет. Эх... А как только получит человек из очереди положенное, его и узнать нельзя: и власть хороша, и порядки налаживаются; конечно, трудно, но власть изо всех сил старается предоставить нам все для жизни; и все таки выкарабкивается на-верх. А кто это? Пролетарии, да мужики!

Отходячив русский человек. Один мой знакомый, радостный уезжал за границу. Его спрашивали — чему он так радуется. Он отвечал — избавлению от очередей. Но люди не верили, думая, что и в Европе то же самое, потому, что если в России нехватка, то за границей и подавно. Просили честно из-за границы написать — есть ли на самом деле где-нибудь такая страна, где можно купить все по желанию и без всякой очереди.

Получив в магазине подачку, обыватель способен на вспышку умиления перед своей «социалистической» властью, но это только вспышка. Раздумывая о власти, обыватель может не видеть замены ей и путей ее смены. Все это, однако, не мешает ему относиться к власти стихийно отрицательно. Не любит он ее — то спокойно, то злобно. Когда он даже упирается в вывод о ее длительности, то в душе и сам не верит своему выводу. Потому так много и толкуют о прочности власти, что никто в ее длительность серьезно не верит. Не любят коммунистов и каждого поросят. Идут в партию только по нужде: партийный билет дает работу и службу; с ним при сокращениях не вылетают вовсе или только в самую последнюю очередь; с ним открыта дорога на всякие курсы, в высшую школу; для партийных найдется всегда квартира и комната. В населении выработалось даже специальное название для таких партийцев — «ситцевые коммунисты». Те свою кличку знают, но не обижаются и только лукаво улыбаются. Чем тяжелей становится у нас жизнь, тем гуще идут в партию, и число «ситцевых» во славу «социализма» множится.

Насколько коммунисты надоели населению, показывает отношение к коммунистическим речам. Все их митинги на одни и те же темы осточертели. Построили дом, который развалился — коммунисты кричат о «контр-революции»; хапнул какой-нибудь «зав» несколько тысяч рублей из учреждения или предприятия — коммунисты вопят о «наемнике капиталистов»; пустячная забастовка где-нибудь на Божьем свете вспыхнула — коммунистам чудится «великая социальная революция»; напакостили где нибудь наши «социалистические» дипломаты и с ними поступили

как с кошкой, которая не чисто ведет себя в комнате, и в Саратове раздаются вопли о «мировой реакции», которая хочет погубить наше «социалистическое строительство». Толпу тошнит от таких речей и статей. Коммунисты это, конечно, знают и в свои «большие праздники» (майский, октябрьский, в день парижской коммуны) собирают толпу карнавалом. Обряжают пионеров и комсомолцев в причудливые костюмы, учат их составлять живые картины и производить эффектные упражнения и всех на разукрашенных автомобилях и повозках развозят по городу или сосредотачивают на площадях. И вот где собирается толпа погуле, там появляется оратор. Толпа немедленно начинает расходиться. Наполняется где-нибудь в другом месте, опять появляется оратор и опять расходится толпа. Так по целым дням ораторы и гоняются по городу за слушателями.

В вину коммунистам население ставит прежде всего расстройство хозяйственной жизни и бедность, затем борьбу с религией и церковь и преимущества членам своей партии. Множатся безработные и увеличивается число «шпаны» — так в Саратове называют людей без определенных занятий и с постоянным покушением на чужую собственность. Живут они в городских садах, в полуразрушенных домах, за городом, на вокзалах и пристанях, на кладбищах. По ночам мимо их обиталищ лучше не ходить. К «шпане» примыкают бесприютные дети. Их часто встречаешь на улицах города, особенно на базарах; ходят по 3—5 человек с папиросками в зубах, часто пьяные и с непереносимой матерщиной.

Анти-религиозная пропаганда у нас ослабела, но еще ведется. В прошлом году летом с ней было связано красочное происшествие. В городе появились две пары — по мужчине и женщине в каждой. Все совершенно нагие, никакого фигового листочка и только через плечо у каждого лента и на ленте надпись — «Бога нет, долой и стыд». Для усиления действия своей обнаженности ходили парами — мужчина и женщина. Как только они появились, за ними начала ходить толпа мальчишек, дико улюлюкая и отпуская им в лицо самые безобразные фразы; взрослое население плевалось и отворачивалось. Пробовали они ездить в трамваях, но вся публика по какому то бессловесномуговору немедленно покидала вагон. Кондуктора вскоре начали их высаживать, и тогда публика входила обратно. Герои скоро куда то исчезли.

Несмотря на ухудшение жизни, города в России растут, и населения в них все больше. Некоторые из этого делают вывод о том, что хозяйственная жизнь все таки движется вверх. Болезненный это рост, если судить по Саратову! Дело в том, что в города началась сильнейшая тяга крестьян из деревень. С этим все соглашаются, но говорят, что крестьянин, значит, культивируется — надоела ему земля, скотина и темная деревенская жизнь и хочет он пожить по человечески. Пустяки это! Знаю одну семью, которая переехала в Саратов весной 1928 года. Семья состоит из 12 человек. Имеет она две коровы и одну лошадь. Бабы доят коров и носят молоко на базар на продажу, а мужчины — их трое в семье — ищут работу; один из них ездит с лошадкой, а двое ходят на биржу труда и жрут работенки. Работают редко — 3—5 дней в месяц. Четверо маленьких детей молока никогда не видят. Все сидят на постных щах и каше и радуются, что хоть это есть, в деревне было гораздо хуже. О возврате в деревню не помышляют. Там их измучили налоги. Правдами и неправдами выматыва-

ли последние соки из крестьянина. Мужик мучался, отбивался и потом сил не хватило и всей семьей побежали искать счастья в городе, бросив деревенское хозяйство... Знаю вторую семью — тоже бежавшую из деревни и по таким же причинам. Она состоит из мужа, жены и трех малолетних детей. Работу имеет только муж — на кирпичном заводе. Зарабатывает иногда побольше рубля в день, иногда поменьше. Работает много, но семья еле-еле существует и детишки всегда голодны. О деревне, однако, тоже не помышляют, а когда я однажды спросила — не думают ли возвращаться назад, — и муж и жена в один голос и с испугом ответили — «спаси Господь от этого!»

Тяга крестьян из деревень в города приняла в минувшем году угрожающие размеры и коммунисты открыли борьбу — дошли до того, что начали отказывать в работе, в земле для построек, в продовольственных книжках и т. д. А крестьяне продолжают тянуться целыми семьями, бросая все в деревне на произвол судьбы. В Саратове есть большая улица, сплошь заселенная переселенцами из деревень. Дома на ней — маленькие лачуги, построенные исключительно из самана. Саман готовят так: месят глину с примесью соломенного навоза, который собирают на свалочных местах, на окраинах города и в солдатских конюшнях; вкладывают кусок такой глины в хорошо смоченную деревянную форму, в ней глину хорошо уминают, и затем деревянный станок поднимают вверх; на земле остается кирпич. Ему дают хорошо засохнуть и затем из него кладут стены, как из жженного кирпича.... Так разрастается Саратов. Не думаю, чтобы иначе росли и другие города России. Растут они не от избытков в городе, а от великой беды в деревнях.

Религиозные преследования.

(Письмо религиозно-настроенного рабочего из Москвы).

Давно мы расстались, и трудно в письме изложить, как изменилась жизнь вокруг нас за эти годы. Поэтому я и посылаю тебе время от времени советские газеты. Вчитываясь в них, ты можешь уяснить положение твоей родины, идущей к большевицкому социализму.

Жизнь твоих друзей в СССР очень ограничена. Воинствующий материализм наступает на идеализм все сильнее. Об издании книг религиозного и идеалистического направления нечего и думать. Сейчас умирают и последние обескровленные сектантские журнальчики. Все сектантские с. х. коммуны и производственные артели насильственно закрываются, как «лжекооперативы». Всё имущество этих хозяйств поступает в государственные органы и в «Колхозцентр».

В прошлом году закрыли две коммуны евангельских христиан-трезвенников, а в правление их кооперативных столовых в Москве ввели коммунистов. В начале этого года закрыли большую коммуну «Вифанию» евангельских христиан в Тверской губернии. Коммунары кроме земледелия занимались ремеслами, имея кузницу, сапожную и портновскую мастерские, маслобойное заведение и столовую в Москве; жило и работало в этой коммуне, считая с детьми, 147 человек. Теперь ликвидируют под Москвой три коммуны единомышленников Л. Н. Толстого. Так называемую «Тайницкую Трудовую артель» уже закрыл Моссовет, и ее члены разбрелись в разные стороны. Ликвидацию второй коммуны (около г. Вос-

кресенска) Моссовет уже утвердил, но коммунары ищут заступничества ВЦИК-а. Эта коммуна имени Л. Н. Толстого была самой образцовой из сектантских коммун под Москвой: имела хорошо обработанный сад, двадцать молочных коров, четыре рабочих лошади, хорошо поставленное огородничество и в прошлом году получила лестный отзыв о своем хозяйстве от соответственных учреждений. Теперь больше 30 человек членов собирают тряпки в котомки и выглядывают путроны в безвестные дали... Третья коммуна тоже, вероятно, будет ликвидирована в этом году — госучреждения уже приступили к этому делу.

Так у нас кончаются идеалистические и религиозные объединения людей около труда-комму-

ны. Сейчас ряд людей и «союз безбожников» усиленно заняты «разоблачением» сектантов в частности и религии в общем. И как только не изощряются эти люди! Все это, конечно, было бы пустяки, если бы борьба была только идеологическая, но все эти «разоблачения» естественно перебрасываются в государственные исполнительные органы, и последние решают все дела в идеологический и материальный ущерб сектантам. Происходит поэтому закрытие молитвенных домов и производственных общин. Единомышленники Л. Н. Толстого лишились теперь дома для своих собраний в Москве — закрыто существовавшее до сего времени Московское Вегетарианское Общество...

Из заграничной жизни.

Что происходит за границей.

Переговоры о *платежах следуемых с Германии* союзникам-победителям, происходящие в Париже, близятся к окончанию. Смысл переговоров состоит в попытке установить окончательно, сколько же Германия должна союзникам. Ни Версальский договор, ни все последующие совещания этого вопроса разрешить не могли, а если союзники и выставляли определенные требования, то называвшиеся цифры настолько выходили за пределы человеческого возможностей, что немцы вообще отказывались платить. Созданное положение влекло за собой тяжелые последствия и для немцев, и для союзников, и для всей Европы. Не получив денег, французы заняли богатейший промышленный район Германии, в воздухе запахло новой войной, и только коммунисты радостно потирали руки, готовясь извлечь все выгоды из новой европейской смуты. К счастью, опасность была понята, и при содействии американского политика генерала Дауса союзники и немцы выработали план платежей (репараций), по которому Германия уплачивала всем союзникам вместе ежегодно около 2½ миллиардов золотых марок. Но и план Дауса не установил окончательной суммы репараций, а кроме того Германия доказывала, что столь большой суммы платить она не в состоянии.

Парижские переговоры, которые ведутся не представителями правительства, а «независимыми» банкирами (на самом деле, они, конечно, действуют в полном согласии с своими правительствами), и должны исправить недостатки плана Дауса. Надо думать, что переговоры закончатся соглашением, сущность которого будет заключаться в том, что Германия ежегодно уплачивает союзникам около 2 миллиардов золотых марок¹⁾. Почти вся эта сумма будет немедленно переправляться союзниками в Америку в счет уплаты их собственных военных долгов американцам. Только Франция получит некоторую сумму для восстановления своих северных департаментов, разрушенных во время войны. Союзники давно уже заявили, что они хотят получить с Германии столько, сколько сами должны Соед. Штатам и ни копейки больше. Если бы американцы простили союзникам военные долги, то и немцам не пришлось бы платить, но на такую жертву американцы, несмотря на блестящее положение их промышленности и торговли и благосостояние населения, не идут.

Если соглашение будет достигнуто, то вся Ев-

ропа вздохнет свободно — исчезнет причина постоянных трений, можно будет спокойно работать на основе совместных интересов всех европейских народов. Тогда так наз. стабилизация (успокоение) Европы станет свершившимся фактом, что конечно не в интересах советского правительства, теряющего почву для коммунистической пропаганды, которая всегда строится на раздорах и неурядицах и неизменно проваливается там, где господствует порядок и спокойствие.

Переходя к рассмотрению положения отдельных государств надо, конечно, прежде всего остановиться на *английских выборах*, имеющих значение не только для Англии, но, пожалуй, и для всего мира.

Выборы эти закончились победой рабочей партии и поражением консервативного правительства Балдвина-Чемберлена. Состав нового английского парламента, считая и «диких», примыкающих к главным трем партиям, следующий: рабочая партия — 292, консервативная — 263 и либеральная — 60. В сущности говоря, поражение консерваторов не столь велико, как это кажется на первый взгляд. По количеству полученных голосов они стоят на первом месте — 8,5 миллионов, затем идут рабочие — 8,3 млн. и, наконец, либералы — 5,2 млн. Существой в Англии пропорциональная система представительства, в парламенте было бы 235 консерваторов, 228 рабочих, 143 либерала, 1 коммунист и 8 «диких». Но так как в Англии нет не только пропорциональной системы, но и перебаллотировок, то и получилось такое далеко не отвечающее количеству поданных голосов распределение депутатских мест.

Положение нового рабочего правительства все не легкое. По существу это правительство меньшинства, всецело зависящее от голосов либералов и обреченное вести осторожную и уклончивую политику, избегая сколько нибудь решительных действий из боязни потерпеть в парламенте поражение. Вместе с тем на рабочую партию выпадает огромная ответственность, так как вся страна ждет от нее радикальных реформ и выполнения весьма широких обещаний. Во внешней политике Англии особым перемен ждать трудно — быть может рабочее правительство более энергично займется вопросом о сокращении вооружений. Надо думать, что новое английское министерство поспешит признать советское правительство — это также ничего не изменит в англо-советских отношениях, так как все равно англичане денег Сталину не дадут. Недоразумения же на почве коммунистической пропаганды, направленной прямо против Англии — надо помнить,

¹⁾ К моменту печатания настоящей статьи уже выяснилось, что соглашение состоялось. — *Ред.*

что советская казенная пресса ненавидит Макдональда не меньше, чем Балвина и Чемберлена — будут, конечно, продолжаться.

Как бы там ни было, приход к власти в могущественной стране подлинно демократического правительства, обещающего широкие социальные реформы и укрепление мира с соблюдением национальных интересов своей родины — рабочая партия Англии называется национальной рабочей партией — можно только горячо приветствовать.

Франция, больше всех европейских государств (за исключением России) пострадавшая от войны, возродилась с изумительной быстротой, доказывающей необычайные государственные таланты французского народа. Ее промышленность далеко перегнала военные уровни и, например, в производстве стали и чугуна Франция побила даже Англию. Правительство Пуанкаре укрепило окончательно франк, и Париж снова становится мировым финансовым центром, вкладывающим капиталы во всевозможные предприятия за границей. В значительной степени благосостояние Франции держится на равновесии между развитой промышленностью и сильным сельским хозяйством. К сожалению, в этом последнем замечаются угрожающие признаки — крестьяне, привлекаемые высокой заработной платой и более интересной жизнью, устремляются в города и бросают свои земли. Количество пустующих земель во Франции все увеличивается, и правительство даже начинает подумывать о заселении их русскими и итальянскими эмигрантами, которые охотно «садутся на землю». Так как на мировом рынке пены на хлеб упали, то, чтобы не допустить притока во Францию дешевого заграничного хлеба, отчего пострадали бы крестьянские интересы, правительство подняло ввозные пошлины на хлеб. К такой же мере прибегла и Италия.

Самым характерным событием в *Германии* является явное разочарование в «советской ориентации». Еще недавно немецкая печать буквально бредила большевиками и любопытно, что наиболее восторженными поклонниками советского правительства оказывались крайние правые. Но теперь, после первомайской провокации, организованной в Берлине Лозовским и Бородиным, в Германии, при том даже в правых кругах, поняли опасность союза с большевиками, и тон немецкой печати резко изменился. В момент ответственных переговоров в Париже с союзниками, Германия, конечно, не может показывать своего недовольства по адресу большевиков; дружбой с ними она пользуется в известной степени для воздействия на Антанту, но если переговоры закончатся к обоюдному удовольствию и отношения между французами и немцами станут нормальными, то несомненно, что германо-советские отношения испытают весьма чувствительное охлаждение.

В *Польше* правительство Свистальского, состоящее главным образом из военных сподвижников маршала Пилсудского, подготавливает проект изменения конституции в смысле сокращения прав Сейма и усиления власти министерства и президента республики. В Сейме правительство не имеет большинства, так как против него стоят и социалисты, и национальные меньшинства и правые. Поэтому правительство предпочитает держать Сейм распущенным. Между Пилсудским и Сеймом отношения носят крайне резкий характер, и маршал не стесняется называть в газетах польский парламент «публичным домом». Во внешней политике Польши, которая ведется с боль-

шим искусством, заметно сильное стремление к сближению с балтийскими государствами, что конечно имеет значение и для России.

В *Литве* правительство Вольдемараса, опирающееся на крестьянскую партию «таутинников», также находится в конфликте с парламентом, где в оппозиции, как и в Польше, находятся с одной стороны социал-демократы и народные социалисты, а с другой — католическая партия. Парламент уже много месяцев не собирается, и правительство ведет энергичную борьбу с оппозицией, особенно с социалистами. Недавнее покушение на Вольдемараса, один из виновников которого студент Вазилиус уже казнен, естественно обострило положение. Литовское правительство обвиняет в покушении группу литовских эмигрантов, нашедшую убежище на польской территории и якобы пользующуюся поддержкой поляков.

Центром *балканской политики* продолжает быть глухая борьба между Италией и Югославией. Италия всячески стремится ослабить славянское государство и сковать вокруг него враждебное кольцо. На юге Албания уже попала под фактический итальянский протекторат, на севере — Венгрия, враждебно настроенная по отношению к Югославии, также приняла итальянское покровительство, надеясь за это при помощи Рима добиться пересмотра мирного договора. В целях дальнейшего ослабления Югославии, Муссолини попытался создать тройственный союз из Италии, Греции и Турции, но этот план расстроился из-за вражды турок с греками. Наоборот, югославянской правительству удалось заключить с Грецией договор, представляющий сербам право пользоваться греческой гаванью Салоники — естественным выходом для Югославии в Эгейское море.

Позиция *Югославии* очень ослабляется старой распрей сербов и болгар, которая питается македонским вопросом. Македонцы, попавшие после войны под власть сербов и считающие себя болгарскими, требуют, если и не полной независимости, то по крайней мере автономии и находят поддержку среди своих соотечественников в Болгарии. Политические споры переходят в пограничные столкновения, террористические акты, и отношения между соседними и братскими народами принимают по временам острый характер, чем и пользуется Италия. Существой национальная Россия, она смогла бы сыграть благотворительную роль посредницы, так как авторитет ее попрежнему велик на Балканах. И сербы и болгары являются большими поклонниками русской культуры, но признавать советское правительство они не собираются.

Видную роль в политике *Средней Европы* продолжает играть Малая Антанта, состоящая из Чехословакии, Югославии и Румынии и ставящая своей задачей прежде всего поддержание мира и порядка. Последняя конференция Малой Антанты показала крепость этого союза. Между прочим на конференции была высказана мысль, нашедшая всеобщее признание, о необходимости вести совместную политику по отношению к СССР, что дало повод большевикам заговорить о «новом анти-советском фронте». Однако, московские страхи совершенно необоснованы, так как и Чехия, и Югославия неоднократно заявляли, что против России, даже если она называется советской Россией, они никогда не выступят.

Из внеевропейских стран наиболее интересные события разыгрываются в Китае и Афганистане.

В Китае, после долгой и разорительной гражданской войны, победила национальная китайская партия Гоминдан, организовавшая правительство в Нанкине. Партия эта в свое время в борьбе с маршалом Чанзолином несомненно пользовалась поддержкой советского правительства, всадившего в китайскую революцию не мало русских народных денег. Придя к власти, Гоминдан решительно порвал с большевиками и теперь предпочитает иметь дело с европейскими державами, Японией и Америкой, понимая, что без иностранной помощи, а главное без иностранных денег восстановить разоренную страну (в западных провинциях голодают 20 миллионов китайских крестьян) невозможно. Совсем недавно против нанкинское правительство восстал один из главных героев китайской смуты «христианский» генерал Фенг, который никак не может примириться с тем, что правительство хочет восстановить порядок и прекратить генеральскую анархию. Нанкинское правительство заявляет, что имеет доказательства того, что Фенг получает крупную субсидию от советского правительства.

Столь же неудачной оказалась политика большевиков и в Афганистане. Советское правительство поддерживало деньгами и оружием афганского короля Аманулла, против которого восстал его собственный народ, недовольный реформами, проводимыми чересчур поспешно. После нескольких месяцев борьбы Аманулле пришлось бежать и укрыться у англичан, а в Афганистане пока утвердился сын водоноса, эмир Хабибулла, который естественно видит в русских своих врагов и ищет поддержки у англичан. Аманулла быть может и заслуживает всяческих симпатий, но при нынешнем финансовом положении России, при полном развале нашего государства вмешиваться в афганские авантюры, тратить на них народные деньги и рисковать, наконец, серьезными столкновениями с Англией может только правительство, преступно непонимающее интересов русского государства и русского народа.

Вл. Татаринов.

Международное аграрное бюро*).

(К его первому съезду 23—25 мая 1929 г. в Праге).

Таким именем названо объединение *политических партий* крестьянства и вообще сельского населения различных европейских государств. Перед нами зародыш новой международной политической организации и новый шаг в поступательном движении «восходящей силы», какой в политической жизни послевоенной Европы является крестьянство. Вслед за давно существующим международным объединением *рабочих партий*, зарождается такое же объединение *партий крестьянства*.

Почин в создании «зеленого интернационала» — М. А. Б. — принадлежит вождю чехословацкой аграрной партии Антониу Швегле. Мысль Швеглы сделалась делом, когда ее приняли вожди трех других политических партий славянского крестьянства — поляк Винцент Витос, серб Михаил Аврамович и болгарин Александр Стамболийский. По соглашению этих четырех человек в 1921 году в Праге было создано М. А. Б. По представлению его учредителей, М. А. Б. являлось организацией лишь подготовительной. Это был только организационный комитет будущего международного объединения крестьянских полити-

ческих партий, а еще не самое объединение**).

В 1923 году начал выходить печатный орган М. А. Б. — его «Бюллетень», — печатающийся в настоящее время на трех языках (французском, чешском и немецком)***).

Предполагалось, что каждый год, в день майской сельско-хозяйственной выставки в Праге, будут происходить заседания М. А. Б. в составе представителей партий, явившихся его учредителями. Сколько было таких заседаний — мне неизвестно. «Бюллетень» сообщает только о двух — в мае 1924 и в мае 1928 г. Во втором из этих совещаний участие приняли представители 9 крестьянских партий из 6 разных государств. Такое сравнительное многолюдство совещания было вызвано приглашением, разосланным вначале 1928 года за подписью А. Швеглы всем крестьянским партиям в Европе вступить в члены М. А. Б. Ко времени совещания такое согласие изъявили 14 партий, существующих в 11 странах. На майском совещании 1928 г. было решено созвать новое правомочное (учредительное) собрание М. А. Б. в октябре того же года.

В октябре минувшего года предполагаемое собрание, однако, не состоялось. Оно произошло лишь 23—25 мая 1929 г. К этому моменту в М. А. Б. входило 17 партий из 13 государств. Не все они участвовали в Учредительном съезде — отсутствовали представители 7 партий из 5 стран. Далекий от количественной полноты, учредительный съезд не был ярким и по составу своих участников, — был болен зачинатель и председатель М. А. Б. — А. Швегла; был болен и не мог участвовать на Съезде его заместитель по партии р М. А. Б. — Милан Годжа, председательствовавший на майском совещании М. А. Б. в 1928 г.; не вождями было представлено и большинство остальных партий, участвовавших на Съезде.

Из результатов работ Съезда отметим построение его исполнительного комитета и его общую резолюцию.

Исполнительный Комитет М. А. Б. слагается из председателя и главного секретаря М. А. Б., избираемых на съезде, и представителей всех партий, входящих в М. А. Б., причем каждая партия посылает только одного представителя. В составе Исполнительного комитета образуется президиум, состоящий из председателя и секретаря М. А. Б. и двух заместителей председателя, избираемых Исполнительным комитетом. Так как частые собрания Исполнительного комитета трудны, то в нужных случаях им выносятся решения по письменному опросу всех членов Исполнительного комитета главным секретарем. Те из членов, которые в установленный срок на вопрос не ответят, считаются от голосования воздержавшимися.

Председателем М. А. Б. съездом был избран А. Швегла, главным секретарем — Карл Мечирж.

Общая резолюция, принятая съездом, гласит†):

1. «Делегаты сельских партий, входящих в М. А. Б., собравшиеся в Праге из Эстонии, Финляндии, Франции, Голландии, Австрии, Румынии, Швейцарии и Чехословакии считают (исходя из признания, что сельское хозяйство является основой всякого государственного тела), что: 1) необ-

***) См. «Sjezdová zpráva Republikánské strany československého venkova» 1919—1929. Глава «Mezinárodní agrární bureau». Praha, 1922.

****) «Bulletin Mezinárodního agrárního bureau», журнал выходит 4 раза в год. К моменту, когда пишется эти строки, вышло 18 номеров «Бюллетеня» — примерно в пять печатных листов каждый... Редактором «Бюллетеня» первоначально был Юрий Фидлер, в настоящее время таковым является главный секретарь М. А. Б., Карл Мечирж.

†) Передаю ее по газете «Venkov» от 26/V 1929 г.

* В дальнейшем для сокращения будет обозначаться тремя буквами — М. А. Б.

ходимо создание сельских партий во всех государствах и странах; 2) необходимо обеспечить этим партиям такое влияние в правительстве, законодательстве и администрации, которое соответствует их политическому, хозяйственному и численному значению; 3) необходимо международное объединение сельских партий в М. А. Б.

II. Сельские партии должны обязать своих представителей в законодательных учреждениях, в правительственных органах и в профессиональных организациях руководиться следующими положениями: 1) сельские партии непоколебимо защищают начало частной собственности и частного предпринимательства; 2) сельское хозяйство, которое обеспечивает человечеству продовольствие, важное промышленное сырье и здоровье, а также неиспользованную жизненную силу, должно поддерживаться: а) созданием хозяйственных и профессиональных образовательных учреждений, б) улучшением техники, в) организацией с. х. страхования против убытков, г) справедливой налоговой политикой, которая должна соответствовать платежным силам сельского населения и проводиться простейшим налоговым аппаратом; 3) сельское хозяйство требует равноправия со всеми остальными ветвями народного хозяйства в таможенной и торговой политике; 4) Самое верное основание для постоянного развития сельского хозяйства сельские партии видят в кооперации, которая является проявлением самопомощи. Кооперативное образование должно быть включено в программы народных, средних, технических и высших школ; 5) Так как кредитная кооперация в состоянии давать только краткосрочные займы, необходимо добиваться создания учреждений для долгосрочных займов на самых благоприятных условиях; 6) социальное законодательство и страхование признается необходимым для всех хозяйственно-слабых слоев населения, и прежде всего для малоземельных крестьян. Но простой перенос основ социального страхования, выработанных в промышленности и городах, на сельское население является невозможным; 7) во всех государствах, где не была вполне проведена земельная реформа, поскольку выяснилась нужда в ней, необходимо добиваться ее скорейшего окончания, при этом необходимо руководиться как принципом вознаграждения (за отчуждаемое имущество С. М.), так и платежн. возможностями новых хозяев; 8) основой обеспеченности сельского населения против всех невзгод является его культурность. Необходимо поэтому в усиленной степени заботиться об его общем и сельско-хозяйственном образовании; при этом главное внимание должно быть обращено на то, чтобы не выростала отчужденность сельского населения от своей жизни и земли.

III. Самая высокая цель политики заключается в поддержании мира между народами. Борозды наших полей являются боевыми окопами мира. Чем сильнее будет влияние крестьянства на правительство, тем обеспеченней будет мир. Мощь крестьянства ведет к международному миру.

Крестьянство России на Учредительном съезде М. А. Б. своих представителей не имело. Не вспоминали о нем, судя по опубликованному отчетам о Съезде, ни отдельные ораторы, ни Съезд в целом. Международная солидарность крестьянства, даже в его политически организованной части, проходит очевидно только первый период своего возникновения. Она только начинает прозябать.

Будь иначе, Съезд не забыл бы о 120 миллионах крестьян России, живущих в нечеловеческих условиях и ведущих отчаянный бой за самое право на свое существование. Один только Милан Годжа нашел необходимым посвятить им несколько строк в своем содержательном письменном приветствии Съезду.

Выдержкой из его письма мы и закончим эту по необходимости краткую и лишь фактическую заметку о М. А. Б.

«Кто пристально следит за развитием событий в России, пишет М. Годжа, тот ясно видит, что силой, которая заставляет коммунизм там сдавать свои позиции, в первую очередь являются труженики земли. Нельзя сомневаться в том, что свой великий бой с коммунизмом русский крестьянин не проиграет. Русский крестьянин является порукой в том, что Россия пойдет по таким путям развития, которые ведут к международному миру и народному преуспеянию. Ценное в русской революции для человечества и России будет сохранено русской крестьянской демократией в какой-либо неразвитой форме». С. М.

Съезд Республиканской партии земледельцев и малоземельников в Чехословакии.

Съезд чехословацкой республиканской партии состоялся в Праге 7 и 8 мая 1929 года. Главным событием на нем, привлекаям к себе живое внимание всей печати Чехословакии, было обращение к съезду Антонина Швеглы — председателя партии и трехкратного главы правительства Чехословакии.

А. Швегла был тяжело болен, лично на Съезде присутствовать не мог и его пространное обращение к Съезду было письменным.

Сельское хозяйство, говорилось в обращении, является предпосылкой для всех иных видов человеческой деятельности, ибо от продуктов его зависит физическое существование человечества. Народ легко теряет свою самостоятельность, терпит поражение в борьбе с другими народами, если его с. х. неспособно дать достаточные средства для его существования. С. х. связано с землей. Земля, способ владения ею — вот силы, направляющие исторические события. От способов владения землей зависит социальное строение общества: аристократическое — при крупном землевладении, демократическое — при мелком и среднем землевладении (крестьянском). Способы владения землей влияют на главнейшие понятия человека: о родине, народе, государстве, общественном устройстве; из них же вытекают условия, способствующие или препятствующие развитию науки, искусств, с. х., промышленности и т. д. Только мелкое и среднее, т. е. крестьянское землевладение, на основах частной собственности дает возможность вести наиболее интенсивное с. х.; наивысший доход стране может давать только эта форма землевладения. Крестьянское землевладение сообщает наилучшие условия жизни громадной части населения государства. Оно сообщает крестьянину сознание, что он сам себе господин, ни от кого независимый; что ту землю, на которой построено все его благополучие, никто не имеет права от него взять. От сознания своей независимости и самостоятельности, от того, что у него есть свой постоянный дом и свое постоянное хозяйство, появляется у него чувство гордости и чувство радости, способствующие наиболее здоровому развитию человеческого общества и делающие из кре-

стьянина наилучшего защитника родины, государства и форм правления.

Особенности работы в с. х. глубоко отличны от особенностей работы в промышленности. В промышленности люди механически изменяют вещи из одного состояния в другое. Этот процесс механического изменения постепенно вырабатывает в людях уверенность в своем всемогуществе. Особенностью же с. х. работ является то обстоятельство, что людям постоянно приходится считаться с законами природы: они должны ждать, когда взойдет посевное в землю семя, должны считаться с законами роста растений и т. д. и т. д. — все это учит людей терпеливости, рассудительности, спокойствию — этим основам человеческой мудрости. Благодаря этим особенностям люди приобретают такие воззрения, что и от общественного уклада требуют прежде всего спокойствия, мира и порядка, без которых невозможна созидательная работа и благополучие. Городские люди, люди, работающие в промышленности, вследствие ложного сознания своего всемогущества, способны иногда легкомысленно уничтожить произведения труда даже нескольких поколений. В виду того, что они всегда были лучше организованы, не были рассеяны, лучше подготовлены, они иногда заставляли и сельское население уничтожать собственными руками результаты своего труда, хотя бы и со слезами на глазах.

Этого не должно больше быть! Устройство человеческого общества д. б. таким, чтобы оно в полной мере соответствовало особенностям мировоззрения сельск. населения. Иных путей нет, все остальное — вымысел!

Сделать это, т. е. установить общественный порядок свободно и без помех сельскому населению не дадут и не дадут. Без борьбы здесь не обойдешься, а потому сельскому населению нужно преодолеть свою пассивность, нужно преодолеть свою активность и созданием соответствующих организационных форм влияние разбросанности, в котором оно находится, и нужно взять на себя участие во власти, сообразно своему значению в государстве.

«До сих пор крестьянство говорило: дайте нам! Кто нам даст? Нам никто не может дать, только сами мы можем взять — вот как должны они теперь говорить». Крестьянство, само должно дать себе законы, и не только себе, но и всем людям. Ибо только тот может приказывать, кто сам научился подчиняться неуклонным законам природы. Властвовать в демократии значит — иметь заботу, ответственность, терпеливость. Очень много людей в настоящее время властвуют и хотят властвовать более легкими способами — путем террора, ибо нет у них чувства ответственности, терпеливости и заботы. Нет более благороднейших стремлений, чем стремление народа взять на себя решение своих судеб. Народ, добившись свободы, должен взять в свои руки ответственность за свои судьбы, а не убежать от ответственности, возлагая ее на плечи других...

Гролом долго несмолкавших рукоплесканий всех 1050 делегатов часто прерывалось чтение приветствия любимого вождя партии, приветствия, в котором были с такой яркостью изложены основные идеи чехословацкой крестьянской партии.

Таковыми же рукоплесканиями прерывался и доклад нынешнего первого министра Ф. Удржала — также члена крестьянской партии. В своем докладе Ф. Удржал коснулся тех партий и лиц, которым политика крестьянской партии не нравится. «Всем нравится мы не можем», говорил он по адресу противников партии. «Ведь те, которые говорят о кризисе, очень хотели бы занести по-

добного рода неуверенность в ряды нашей партии, но беда для них в том, что они сами не верят тому, что говорят. Ведь им не может быть неизвестно, что в настоящее время подготовляется уже четвертый государственный бюджет с превышением доходов над расходами. Это значит, что мы имеем хорошее хозяйство, это значит, что мы умеем хозяйствовать».

«Головы выше, потомки крепостных крестьян!»

«Тяжело это нам досталось, но все-таки мы показали, что мы умеем работать. В ваших рядах имеется много спящей энергии, много скрытых сил, которые вы обязаны использовать на благо государства, народа и сельского населения... Благодаря своей организации чехословацкий крестьянин в государственном хозяйстве не стоит на последнем месте. Посредством организованной работы становится нам доступным и возможным все... И свой дальнейший рост мы можем искать только в целесообразной работе... Исчезли привилегии родовые и классовые, и конечной целью нашей демократии должно быть, чтобы каждый у нас столько значил, имел такое влияние, насколько он сможет работать».

С шумными овациями было встречено Съездом и приветствие товарища председателя партии д-ра М. Годжи, тоже по болезни не присутствовавшего на Съезде. Д-р Годжа, родом словак, заявляет, что словацкие крестьяне идут рука в руку с чешскими крестьянами к одним общим целям спокойного, но неуклонного культурного и хозяйственного развития. Такое же приветствие Съезду было сделано заместителем председателя немецкой крестьянской партии и представителем венгерских крестьян.

Съезд снова подчеркнул, что существуют общие интересы и у крестьянства различных народностей. Фактическое доказательство единства интересов мы и находим в сотрудничестве в одном правительстве Чехословакии в настоящее время представителей чехословацкой республиканской партии земледельцев и малоземельников и представителей немецкой крестьянской партии. Такое сотрудничество принесло уже и приносит свои плоды: хозяйственная и культурная жизнь страны процветает. Государство имеет установившийся выгодный бюджет. Вывоз превышает ввоз. Народное здравие и народное образование поднимаются. В частности, сельское население, кроме начальных и высших начальных школ, кроме средних и высших школ общего значения, имеет в своем распоряжении много сельско-хозяйственных школ — низших, средних и высших.

Всего этого сельское население добилось лишь благодаря самостоятельности и благодаря своей неустанной организованной работе. Самым ценным из плодов этой организованной самостоятельности крестьян Чехословакии и лучшим орудием их борьбы за свои права является их политическая партия.

Ив. Егоров.

Новая организация.

(«Крестьянское объединение в Париже»).

Ниже мы помещаем воззвание от имени организации, принявшей название — «Крестьянское Объединение».

Организация образовалась в Париже в январе 1929 г. по инициативе группы крестьян-эмигрантов, участников противобольшевизмской борьбы.

Обращаясь к русскому зарубежному крестьянству, инициативная группа зовет его к самоорганизации на местах и к созданию единого крестьянского объединения⁴).

Объединение не является, по мысли инициаторов, партийной организацией, стремящейся охватить возможно широкие круги. Но вместе с тем, оно выступает с программой, которая накладывает на него печать политической организации и притом вполне определенного демократического характера.

Ближайшие задания Объединения за границей определяются так: 1) Накопление средств для усиления революционной работы в России непосредственно или через посредство родственных организаций крестьянского характера. 2) Издавание воззваний и брошюр, разъясняющих крестьянству неизбежность насильственного свержения большевиков, несмотря ни на какие «эволюции» в их среде, ведущих Россию к гибели, а крестьянство к полному разорению. 3) Установление живой связи с Россией через преданных крестьянству лиц для организации крестьянства и для пропаганды непримиримой и всемерной борьбы с большевиками и введения республиканско-демократического строя. 4) Объединение для указанных в пунктах 1, 2 и 3 целей со всеми организациями, принимающими, как основу восстановления России, введение республиканско-демократического строя. 5) Энергичная пропаганда среди трудящихся всего мира мысли о неизбежности свержения большевиков русским народом. 6) Пропаганда среди демократий Запада и Востока идеи невмешательства вооруженных сил правительств в период воссоздания свободной России в ее внутренние дела.

В состав членов Объединения принимает не только крестьян, но и лиц, разделяющих его взгляды и знакомых теоретически и практически с крестьянским хозяйством и бытом. Ставя политические задачи, Объединение ведет одновременно работу культурно-просветительную и политического воспитания среди своих членов.

В программу государственного устройства России Объединением вводятся следующие требования:

1. Государственное единство России. 2. Демократическая республика с сильной, подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью. 3. Обеспечение прав свободы человека и гражданина и ограничение их лишь по суду. 4. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы членов законодательных органов. 5. Широкая автономия по делам культуры и местной жизни. 6. Полное равноправие всех народностей в вопросах культуры. Право участия пропорционально численности народно-

сти в законодательных и управляющих органах государства. Охрана прав меньшинств. 7. Отделение церкви от государства. Свобода вероисповедания. 8. Закрепление бесплатно без всякого выкупа за нынешними владельцами, единоличными и коллективными (кроме концессионеров) находящейся в их пользовании земли. 9. Перечисление бесплатно без всякого выкупа земель сельско-хозяйственного значения в частную собственность их владельцев со всеми правами отсюда вытекающими (продажа-покупка, залог, аренда, наем, дарение, завещание и т. п.). 10. Определение предела скопления и дробности земель с. х. значения. 11. Установление органов, наблюдающих за правильностью использования земель с. х. значения. 12. Предоставление всем собственникам земель с. х. значения, единоличным и коллективным, свободного выбора форм землепользования, — в том числе выхода из общины без нарушения прав остающихся. 13. Государственное размежевание земель и землеустройство в первую очередь земель с. х. значения. 14. Государственная организация переселенческого дела. 15. Установление судьбы земель с. х. значения, закрепленных за государством, как фактическим владельцам к моменту издания закона о закреплении (в том числе ликвидация «льхозов»). 16. Сельско-хозяйственная финансовая политика, направленная к развитию и укреплению хозяйств трудящихся на земле (крестьян), как основы всей экономической мощи России. 17. Принятие государством мер к улучшению условий быта и к широкому проникновению в деревню достижений культуры. 18. Денационализация промышленных предприятий и передача их на условиях наибольшей выгоды для народного хозяйства в аренду частным лицам, акционерным и кооперативным обществам, а также рабочим синдикатам. 19. Оставление достоянием государства всех естественных богатств России, как-то: леса, важнейшие реки и озера, моря со звериными и рыбными ловлями, ископаемые богатства, целебные источники и т. п. 20. Содействие государства частной инициативе и созданию новых фабрик и заводов и их эксплуатации. 21. Развитие законодательства об охране наемного труда в промышленности и сел. хозяйстве. 22. Свобода внутренней и внешней торговли.

Как ни трудна задача, которую поставила себе новая организация, но она своевременна, ибо идет навстречу духу времени.

Объединить слои зарубежного русского крестьянства на основе демократической программы, вобрав в ряды Объединения все ценное и живое, что может дать эта огромная часть эмиграции для непосредственной помощи борющемуся в России крестьянству и для будущей работы в освобожденной Родине — это значило бы совершить большое и насущное дело.

И мы уверены, что как ни тяжелы условия

⁴ Обращаться за справками: А. К. Nadtochin, rue de la Roquette, Paris (15), в будни от 8 до 9 ч. веч., по праздникам от 10 до 12 ч. дня.

эмигрантской жизни, инициаторам Объединения удастся справиться со своей задачей, встретив живой отклик и поддержку.

Что касается отношения нашей партии к Объединению, то оно может быть лишь отношением родственных друг другу организаций.

Помимо общности задач в эмигрантской обстановке, нам родственен дух революционного демократизма, которым пропитана тактическая часть программы Объединения и основные его требования устройства будущей России.

Шлем свой братский привет и пожелания успеха.

А. Аргунов.

К РУССКИМ КРЕСТЬЯНАМ В ЭМИГРАЦИИ.

Дорогие братья!

Скоро 12 лет, как большевики захватили власть над Россией.

Страшные муки пришлось претерпеть от них русскому крестьянству за это время: и карательные экспедиции за восстания, и голод, и разорение непосильными налогами, и издевательства над достоинством человека...

И тем не менее русское крестьянство не сдавалось: оно неустанно и всеми мерами борется за свои права, свое имущество, свою жизнь.

Несколько раз большевики были вынуждены менять свою политику по отношению к деревне — грозой восстаний отчаявшегося в своем должении крестьянства.

Осмеливаются они втянуть Россию и в военные осложнения с другими странами, зная, что мобилизованное крестьянство прежде всего покончит с коммунистами.

Со скрежетом зубовным большевики видят в русском крестьянине единственного открытого и непримиримого врага, врага, понявшего всю их ложь и ставшего за эти 12 лет еще страшнее, чем раньше.

Если в начале крестьянство верило и надеялось, что кто-то, царь, например, придет и поможет ему выйти из беды, то теперь крестьянство изжило эти свои смутные надежды.

Оно верит только в свои силы, оно знает, куда идти... Все чаще в среде крестьянства раздаются

требование: «советы без коммунистов!». — Не думайте, что оно мирится с жалкой ролью советов в жизни русского государства. Нет! Но пока оно не может при страшных условиях сыска и бессудной расправы сказать прямо, что *русское крестьянство хочет само править собой*, само устраивать судьбу своей родины.

Оно добьется этого, оно станет властителем России на благо всех в ней живущих!... Уж близок час кровавой и последней схватки его с насильниками и губителями России...

Неужели зарубежное крестьянство может, неужели оно сможет оставаться безучастным зрителем всего совершающегося в России?

Нет, оно не смеет!

Как ни тяжелы условия его существования, они не легче и в России. А там находят силы еще и для борьбы!...

Нет! Зарубежное крестьянство должно обрести силы, чтобы стать достойным своих русских братьев!..

Братья! Крестьянство сильно своим множеством и своими дарованиями. Надо только мощь, вытекающую из множества и дарований, развить и светлое будущее нашей родины обеспечено.

Приступите же этому большому делу.

Как ни слаб каждый из нас в отдельности, вместе мы можем сделать много.

Объединитесь же! Сгруппируемся в местах своего рассеяния, как бы малы эти группы ни были.

Вступим в связь с Крестьянским Объединением в Париже, которое ставит своей задачей приложить все силы для организации русского зарубежного крестьянства и к его подготовке участвовать в освобождении и устройстве свободной, для всех просторной и великой России!..

Каковы ближайшие планы Объединения, какова его программа государственного устройства России и каковы его требования к сочувствующим его взглядам? — все это можно найти в его брошюре: «Крестьянское Объединение в Париже».

Не медлите! Беритесь дружно!

Дорог каждый миг! Ценно каждое усилие!

В добрый час в нелегкий путь к великой для всякого русского гражданина цели: освобождению и устройству нашей дорогой родины, на основах свободы человека и гражданина! Свои же права в свободной России крестьянство сумеет отстоять!

*Крестьянское Объединение
в Париже.*

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

С. П. Мельгунов, Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. — Париж, 1929. 316 стр.

Книга С. П. Мельгунова является первой в серии книг, намеченных к изданию друзьями покойного Н. В. Чайковского.

Автор ограничивает свою задачу ознакомлением читателя со взглядами и характером деятельности Н. В. Чайковского в период гражданской войны, начиная с октябрьского переворота и кончая последними днями открытой вооруженной борьбы с большевиками.

Период сам по себе огромный, насыщенный событиями, если вспомнить, что в поле зрения автора введены такие даты как: конец Временного Правительства, борьба за Всероссийское Учредительное Собрание, восточный фронт, архангельское правительство, уфимская директория, Колчак, денкинский и врангелевский правительства, затем история попыток демократической общест-

венности, как «Союз Возрождения России», Политическое Совецание заграничных полит. группировок, Комитет членов Всеросс. Учред. Собрания в Париже, «Центр действия» и мн. др.

Трактуются события не только важные и сложные, но и из весьма близкого, еще переживаемого прошлого.

Для характеристики личности Н. В. Чайковского эта эпоха дает благодарный материал, ибо из его писем, статей и др. документов на фоне политических явлений и политической борьбы выступают выпукло основные черты крупной и оригинальной фигуры революционера-общественника, каким был и каким остался до конца своей долголетней жизни Н. В. Чайковский.

Деля общую судьбу российской демократии, оказавшейся не у кормила антибольшевицкой борьбы, направляющей руками, весьма часто, если не всегда, недемократическими — Н. В. Чай-

ковский, как мы видим, не отошел от борьбы, а принял в ней активнейшее участие, не жалея сил, всегда готовый быть на видных и опасных постах.

Терпя неудачи, противоречия, — тщетно, как многие в ту пору, — стремясь направить ход жизни в рамки общеприемлемой, казалось «платформы», Н. В. Чайковский упорно шел своим путем «сотрудничества», подвержая себя непониманию и неприязни справа и слева.

Путь был тернистый, если принять во внимание, что в «программе» революционера-демократа оставались до конца: 1. вооруженная борьба с большевиками, 2. допустимость «интервенции», 3. объединенный фронт борьбы. По выдержкам из писем Н. В. Чайковского можно судить, как сложна и трудна была задача, взятая им на себя.

Книга С. П. Мельгунова только в части посвящена характеристике личности Н. В. Чайковского; большинство же страниц отводится изложению и оценке событий и фактов недавнего прошлого.

Здесь много спорного. Автору не удалось осуществить своего намерения «быть больше летописцем и говорить преимущественно языком фактов и документов».

И это понятно. Для истории гражданской войны еще не наступило время, ибо еще очень слабо освещена она объективным «документальным» материалом.

В особенности это относится к тем эпизодам из недавнего прошлого, которых преимущественно касается книга С. П. Мельгунова, где взамен «документальности» имеем субъективные мнения отдельных участников событий.

За недостатком места, мы можем лишь указать на следующие, особо спорные пункты в книге С. П. Мельгунова: 1) оценка поведения представителей Союза Возрождения в деле т. наз. Уфимской Директории и признания единоличной военной диктатуры (стр. 51, 52, 63, 176, 185); 2) характеристика Колчака (104, 132, 152, 153, 158, 159); 3) Деникина (184, 200, 201, 205) и 4) вопрос об интервенции в платформе полит. группировок (92, 125, 145, 168, 169). А. Арг.

3. **Гермониус. Война и промышленность.** Париж, 1928 г. (1928), изд. автора. 64 стр.

Книжечка инж. Э. Гермониуса представляет довольно большой интерес и будет не без пользы прочтена читателем, — но крайней мере в первой своей части, где идет речь о влиянии мировой войны на русское и английское хозяйство и о ближайших хозяйственных последствиях мира. В свое время автор близко стоял к делу боевого снабжения русской армии, имел возмож-

ность многое видеть и передумать, и это благоприятно отразилось на его работе. Очень интересны его данные о производительности русских казенных заводов во время войны, об организации военной промышленности в Англии, о стоимости войны («убить одного человека на войне стоило около 40.000 рублей золотом»). Очень дельны его замечания относительно современного состояния промышленности. Хороша его критика некоторых неосторожных утверждений С. Н. Прокоповича относительно влияния войны на производительность труда и относительно изменений в народном доходе Европы.

Гораздо слабее вторая часть книжки, где автор пытается теоретически установить вероятную стоимость будущей войны и изыскивает лучшие способы покрытия военных издержек. Книжка много выиграла бы, если бы автор не брался за эти чуждые ему темы и за их счет расширил те места своей работы, где он описывает то, чему «свидетель в жизни был».

Д. Иванцов.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ «КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ».

1. С. П. Мельгунов. — Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны. Изд. «La Source». Париж, 1929. Стр. 316.
2. Н. Н. Зворыкин. — К возрождению России. Париж, 1929. Стр. 278.
3. Э. К. Гермониус. — Война и промышленность. Париж, 1928. Стр. 63.
4. *Русский исторический архив*. Сборник I. Прага, 1929. Стр. 377.
5. *Русская школа за рубежом*. Книга 31. Париж, 1929. Стр. 128.
6. *Вольная Слобода*. Изд. Общества друзей в ЧСР. Прага, 1929. Стр. 184.
- 7—8. *Бюллетень экономического кабинета*. Прага, 1929. Стр. 68 и 69.
- 9—11. *Социалистический Вестник*. Центральный орган Росс. С. Д. Р. П. №№ 8, 9, 10, Берлин, 1929.
- 12—19. *Хозяин*. Еженедельный журнал, посвященный интересам русского земледелия. №№ 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, за 1929 г.
- 20—26. *Дни*. Еженедельник под редакцией А. Ф. Керенского. №№ 35, 36, 37, 38, 39, 40. 1929.
- 27—30. *Борьба за Россию*. №№ 128, 129, 130, 131, за 1929 г.
31. *Родимый Край*. Изд. Казачьего Союза. Париж, № 3. 1929 г.
- 32—33. *Кооперативный Вестник*. Орган «Русского Ревизионного Союза» во Львови №№ 4 и 5 за 1929.
34. *Le mouvement de libération de la Russie*. Chambéry, 1929. Pg. 62.
35. *Le monde slave*. Revue mensuelle. № 4, Avril, 1929.
- 36—39. *Brázda*. Agrární čtrnáctideník. Čč. 13, 14, 15, 16. 1929.

* С настоящего № вводится постоянный библиографический отдел, в котором будут даваться краткие рецензии и перечень книг и журналов, посланных в Редакцию «Вестника Крестьянской России».

Редакция.

Книжные магазины, в которых „ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ“ имеется в продаже:

1. Париж, Я. Доволоцкий, 13, rue Bonaparte. — 2. София, кн. маг. «Слога», ул. Левски 14а. — 3. Варшава, издательство «Nasze Dzielo» Marszalkowska 68, m. 4. — 4. Загреб, Cirilometodska Knjižarna i Papirnicko D. D., Preradovičev trh 4. — 5. Белград, кн. маг. «Ruska Misao», Stiska, 8. — 6. Прага, кн. маг. «Пламя», Praha II, Ječná 32.